

ЭКСМО

Виктор Пронин

СЛИШКОМ БОЛЬШОЕ

СХОДСТВО

Виктор Пронин

**Слишком большое
сходство (сборник)**

«ЭКСМО»

2005

Пронин В. А.

Слишком большое сходство (сборник) / В. А. Пронин —
«Эксмо», 2005

Кто из этих пятерых мужчин убийца? Кто убил шестого во время их традиционной поездки на охоту? Все обстоятельства этой злосчастной вылазки известны, все подробности жизни каждого из охотников изучены, а вот убийцу следователь Зайцев вычислить не может. Одна надежда на помощь приятеля – журналиста Ксенофонтова. Итак, пятеро подозреваемых сидят перед журналистом, а он задает им какие-то несуразные вопросы: кто сколько подстрелил уток, кто какую привез выпивку, кто первый выпил... Словом, какая-то ерунда. Но, как ни странно, чем нелепее вопросы, тем ближе момент истины. Еще шаг, и убийца будет как на ладони... В сборник вошли рассказы: «Убить дерево», «Ночь без любви», «Личная жизнь», «Ловушка для убийцы», «Точка с запятой», «Похититель бриллианта», «Весеннее задержание», «Словесный портрет», «Королевский удар», «Вокруг пальца», «Разговорный жанр», «Печаль предателя», «Запрещенный прием», «Слишком большое сходство», «Бомжара», «Опять бомжара...»

© Пронин В. А., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

УБИТЬ ДЕРЕВО	5
НОЧЬ БЕЗ ЛЮБВИ	29
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Виктор Пронин

Слишком большое сходство (рассказы)

УБИТЬ ДЕРЕВО

Остановив самосвал у самой калитки, Женька наскоро осмотрел кабину – не забыл ли чего? И, ссутулившись, заранее сморщившись от дождя, который сейчас окатит его, спрыгнул на дорогу. Потом с силой захлопнул дверцу, для верности подергал ручку и побежал к террасе, освещенной слабой лампочкой. Но едва оказался под навесом, увидел, что следом за ним по кирпичной дорожке, влажно мерцавшей среди деревьев, бежит еще кто-то, неуклюже стряхивая на себя потоки воды с деревьев. Женька присмотрелся и узнал Деева, соседа, занимавшего вторую половину дома, когда-то неплохого, добротного дома. Когда Деев поднялся по ступенькам, Женька увидел, что лицо у старика мокрое и какое-то растерянное.

– Привет, батя! – Женька пожал влажную холодную ладонь Деева. – Ты чего это по ночам шастаешь, людей пугаешь?

– Вот. Смотри. – Деев протянул размокший клочок бумаги.

– Что это?

– А то! То самое! Ордер! Новая квартира мне светит, понял? И тебе тоже. А это, – Деев постучал кулаком по бревенчатой стене, – на дрова. Понял?

– Чего ж, все как есть понял! – ответил Женька, не скрывая радости. – Состоялось, значит, все-таки... Долго они тянули. Я уж подумал было, что все заглохло. Скоро новоселье праздновать будем, а, батя?

– Попразднуем. – Деев взял ордер, сложил его, сунул в карман. – Попразднуем, – повторил он, невидяще глядя куда-то в шуршащую дождем темноту сада.

– А ты вроде и не рад? – спросил Женька. – Как же это? Сколько было разговоров, а тут на тебе! Не-ет! Что-то, батя, ты не туда подался, ей-богу! Ведь ты, можно сказать, мечтал эту квартиру получить, и вот мечта твоя сбывается, а? Мечта, она ведь такая, не у каждого...

– Да ладно тебе! Мечтают вон девицы замуж выйти! – Деева, видно, раздражало само слово «мечта».

– Ну ты даешь, батя! Воду не таскать, печку не топить, крышу не латать! Тепло, сухо, чего тебе еще?!

– Так-то оно так, – вздохнул Деев и присел на ступеньку. – Так-то оно так...

– А что не так?

– Нету радости, понял? Думал, радость будет, а ее нету.

– Это, батя, потому, что большая удача на тебя свалилась. Такая, что и зашибить может. Вот она тебя и ахнула... Как мешком из-за угла.

– Думаешь, в этом дело?

– А чего тут думать? Посмотри на себя – ты весь какой-то ахнутый. Может, тебе выпить надо, а? У меня есть кой-чего... А?

Не ответив, Деев медленно, тяжело спустился по ступенькам и напрямик через малинник, не прячась от дождя, пошел к своему крыльцу.

* * *

Утром, прикинув к окну, чтобы посмотреть на погоду, Женька увидел в саду Деева. В резиновых сапогах, серой фуфайке, ушанке с проплешинами, он был почти незаметен среди оголенных деревьев, с которых еще падали редкие капли ночного дождя.

И лопата в руках у Деева с налипшими комьями мокрой земли тоже была какого-то серого цвета.

– А, сосед! – приветствовал его Деев, едва тот появился на крыльце. – Долго спишь.

– Суббота... – Женька медленно сошел по ступенькам, сунул в рот тощую мятую сигаретку.

– А я побывал сегодня там, полюбопытствовал... Возле нашего дома... Тут недалеко, оказывается, километра три будет.

– Блочный? – спросил Женька.

– Не, кирпичный. Серый, правда, кирпич, холодный. Кто его знает, может, он и неплохой, но только мне серый не нравится. Будто отсырел и никак просохнуть не может. Или ничего, а?

– Люди живут, и мы жить будем. Авось. А что это ты затеял? – Женька кивнул на канаву, вырытую вокруг дерева. – Никак орошение?

– Как же, орошение. – Деев усмехнулся, помолчал, отступил на шаг, чтоб Женька мог оценить его работу, чтоб виднее было сделанное. – Выкапываю. Пересаживать буду. У меня ить первый этаж, вот под окном рябины и посажу. Весна придет, а я как в старом доме живу. Каково?

Деев задорно подбоченился, но Женька видел, что старик, робея, ждет одобрения, боится, как бы не посмеялись над ним.

– А что, это ты в самую точку, – великодушно одобрил Женька. – Надо будет и себе присмотреть парочку деревьев, как думаешь?

– Во-во! – обрадовался старик. Он снял шапку, пригладил седые спутанные волосы и снова нахлобучил ее на голову. Одно ухо у шапки было надорвано, болталось, козырек нависал на глаза, и синие глаза Деева светились откуда-то из глубины, из остатков кроличьего меха. – Своим говорю: переселитесь, пообнежитесь в тепле, а там, глядишь, эта вот избенка сниться начнет. И запах, говорю, приснится, и стены шершавые, и полы щелястые... Проснетесь, говорю, со слезами на глазах... Смеются. Понял? Не верю. К газовым поддувалам рвутся. Краники блестящие повертеть не терпится. По унитазу сохнут. Подумать только – унитаз! Показывали кино по телевизору, и надо же, унитаз на экране мелькнул. Оглядываюсь на дочку, а у нее глаза горят и румянец. Во как! Розовый, говорит, хочу. Белый – он холодит. Понял?

– Ну что ж, – рассудительно заметил Женька. – К культуре девка тянется.

– Хороша культура! – Деев по-кошачьи фыркнул, но глаза его оставались серьезными, даже печальными. – Что получается – забывать начинаем, для чего какой предмет сделан. – Деев оперся грудью о рукоять лопаты и смотрел, смотрел куда-то в переплетения серых, синеватых, сиреневых ветвей, в редкие белесые листья, оставшиеся на деревьях. – Нет, мил-человек, культура – это когда жильё свое ценишь, людей уважаешь, которые стоят того, когда сам уважение людей оправдываешь... А книжки в шкафу, штаны в облипochку, розовый горшок – это так, блажь одна... Больно просто все это, больно легко стало культурным заделаться... А раз легко, то и желающих толпы. Все так к этой культуре бросились... того и гляди затопчут.

Женька рассмеялся, но спорить не стал.

– Своим-то говорю... Вы, говорю, в той квартире и погоды не увидите. Вода горячая, вода холодная, тепло, сухо, мухи не кусают... А тут вся жизнь на погоде... Вот листья упали – так они же нам на плечи упали, под ноги... Снег выпал – мы его с крыши сметаем, с крылечка веничком сметаем, лопатой дорожку к сараю разгребаем, а? То-то и оно! Холода настали, а

мы дровишки колем, на руки дуем, пар изо рта, полешки звенят, смолой пахнут, лесом! В дом их внесешь, бросишь у печки, а они сразу потускнеют, влагой возьмутся, запотеют... И запах от них! – Деев закрыл глаза и покачал головой. – А весна! Ветки в окно стучатся, на них цветы яблоневые, насекомые разные в саду гудят, из-под каждого комочка жизнь прет! Подумать только – жизнь прет! А осенью выйдешь, а? На листьях, на траве изморозь по утрам. На антоновке иней, слабый такой, прозрачный иней, дохнешь на яблоко, а оно тут же капельками мелкими пойдет. Укусишь яблоко, с хрустом отломится бочок, и зубы ломит. А внутри, в антоновке, прожилки медовые...

– Хватит, батя! – Женька замахал руками. – Нет сил слушать!

– Говорю своим, надо, дескать, деревья под окнами на новом месте посадить. Опять смеются. Понял? Счастливые. Деревя им уже не дюже... Им асфальт подавай, чтоб каблучками постучать, душа у них тает от этого перестука.

К ним, осторожно ступая по листьям, шел пес. У него была странная кличка – Кандибобер. Может быть, когда-то, лет десять-пятнадцать назад, его и не зря так называли, но теперь эта кличка вызывала лишь улыбку. Передвигался Кандибобер неуверенно, и зубов у него было гораздо меньше положенного.

Подойдя к Дееву, Кандибобер ткнулся мордой в колени, качнул хвостом, не в силах, видимо, поднять его, свернуть, как бывало, в радостное, солнечное кольцо на спине, и тут же, подогнув ноги, неловко рухнул на сырые листья. Деев наклонился, потрепал собаку за ухо, легонько пошлепал по щекам. Кандибобер положил морду на передние лапы и успокоенно прикрыл глаза. Дескать, мне бы только рядом побыть...

– С ним как? – Женька кивнул на собаку.

– С собой заберу.

– А они? – Женька показал на окна.

– Пусть как хотят, а пес пойдет со мной, – резковато ответил Деев. Видно, в доме уже обсуждали, как быть с собакой, и Кандибобер, понимая, что речь идет о нем, шевельнул хвостом по листьям, улыбнулся, не открывая глаз, что-то проворчал про себя.

– Ты это... присмотри деревцо. Пока по дорогам мотаться будешь, я тут не торопясь и вырою. Главное, чтоб побольше корней захватить, обрыть со всех сторон канавой, корни обшить досками и вместе с землей на новое место. Оно и не услышит. Проснется весной – как после наркоза. Глядь, а вокруг новые места, дома, машины по дорогам, то-то удивится!

– Да ладно, сам вырою. Не сегодня же переселяться... Как там вокруг дома-то? Жить можно?

– Что вокруг – пустырь. Земля перерыта, глина, лужи, ямы, плиты брошенные, трубы... Бульдозером их в землю повдавливали, чтоб назад со стройки не увозить. Ну что, искорежить искорежили, но так и не зарыли. Что там еще?... Батареи проломленные – как их можно проломить? Вот скажи мне, как можно чугунную батарею парового отопления испортить? Не иначе как с умыслом, кувалдой. Унитазы побитые, двери размокшие, а уж кирпича – как после бомбежки. Не пойму я этого, никак не пойму! – В глубоких синих глазах Деева застыли боль и недоумение.

– Что тут понимать! – Женька со злой безнадежностью махнул рукой. – Кой-как слепили – и на другой объект. Время спишет. Такие строители!

– Не-е-ет! – Деев покачал головой. – Дело не в том, что, дескать, строители плохие попались. А если бы другие были, все иначе у них вышло бы? Нет. Все как-то одно к одному идет – вот беда. Дорогу за лесом строили, помнишь? Пройдись по кустам вдоль шоссе – сколько там куч бетона, асфальта, щебня! Мало того, что материал загубили! И хоть бы хны!

Во как... Но ты не переживай, внутри там, в нашем доме, все чисто. Полы крашенные, обои зелененькие, в клеточку. Шкафы встроенные, так что и мебели особо не нужно. Но встро-

ены неважно – я уж там в окна позаглядывал. Дверцы кривые, прибиты косо, переделывать придется.

– Переделаем, – хмуро ответил Женька. – Лишь бы на голову не капало.

– Это как получится. Воду пока не подключили и, слышал я, будто еще месяца два не будут подключать, не подтянули трассу, да и слесарей у них не хватает. Но ты того, ордер-то получай, а то знаешь как бывает: придешь, а тебе говорят – кончились ордера. Во как! Хоть криком кричи, а их нету, кончились. И все тут! Смотри, сосед, не хлопай ушами-то, побереги уши, сгодятся!

* * *

Переезжали в новый дом постепенно, мало-помалу привыкли к нему, прощаясь со стенами, запахами деревянной избы. И ночевали через раз – то в низковатой гулкой квартире, то на старом месте. Каждый день что-то уносили с собой, оставляя безнадежный хлам, который ну никак не сгодится в новом жилье: топоры, лопаты, угольные ведра, утюги, самовары, которыми пользовались последний раз в войну. Назвать переселение веселым было нельзя – каждый угол, каждая доска в доме, дерево в саду, тропинка к калитке так обросли воспоминаниями, что попросту невозможно было проститься с садом легко, спокойно, без боли. В конце концов, оставляли не только старые стены – оставляли собственные годы.

Деев часами бесцельно бродил по дому, шаги его отдавались эхом в пустых комнатах. Он подходил к одному окну, к другому, смотрел в прозрачный сад, поднимал с пола какую-нибудь ненужную теперь вещь, повертев ее перед глазами, ронял на пол и шел дальше. За ним неслышно брел Кандибобер, покачивая хвостом и время от времени вздыхая, будто хотел этим выразить свое сочувствие, понимание...

Были минуты, когда дом казался Дееву чуть ли не живым существом, притихшим, чутко прислушивавшимся к каждому слову людей, к каждому их шагу, словно он пытался узнать, что же его ждет? «Да, брат, – бормотал Деев, – тут уж ничего не попишешь, ничего от тебя уж не зависит...» Он стал замечать, что дом вроде стал суше, теплее – может, показалось? Нет, крыша уже не протекала, осенние дожди не заливали подоконников – отчего бы это? И двери будто плотнее стали закрываться, тяга в печке улучшилась, теперь огонь за чугунной дверцей прямо гудел, вырываясь через черные запутанные ходы в низкое отсыревшее небо. Приложив руку к стене, Деев озадаченно наклонял голову – надо же, греет! И доски пола, которые еще совсем недавно прыгали и прогибались на одряхлевших балках, теперь лежали плотно, будто сцепившись друг с дружкой в отчаянной надежде остановить людей, задержать их если не навсегда, то хотя бы на зиму, еще на одну зиму, а уж весной-то, летом у людей не хватит сил уйти отсюда. Не смогут, не смогут, не смогут. Не уйдут.

Конечно, все эти перемены можно было при желании объяснить иначе, проще. Доски уплотнились, потому что отсырели после осенних дождей, тяга в печке улучшилась, потому что похолодало, исчезла давящая сырость, да и хороший уголь перестали жалеть, к чему он теперь, уголь-то?

Но Деев не торопился ударяться в эту занудливую трезвость – печаль старого дома была так созвучна его собственной. Он помнил, как строили этот дом, как он, еще мальчишкой, слизывал смолу с сочившихся бревен, как пахло этой смолой, свежими стружками, и все в доме было светлым, праздничным: стены, пол, потолок, подоконники. Потом все потускнело, будто повзрослело. Как-то Деев решил маленько подровнять выступающее бревно и совсем немного стесал, два раза топором ударил, но из стесанного места брызнул почти забытый им золотистый цвет. Внутри дерево оказалось таким же светлым и радостным, каким оно осталось в памяти, каким было пятьдесят лет назад, когда он бегал здесь по шуршащим стружкам и жевал необыкновенной вкусоности горькую сосновую смолу. От зачищенного места пахло

сосной и детством. «А дом-то молодой, – подумал Деев. И еще подумал: – Как и все мы, если пообтесать маленько, шкуру нам подновить, физиономию разгладить... И сейчас бы в чужой сад за сиренью полез. А что, – хмыкнул Деев шало, – ей-богу, полез бы!»

Он подошел к умывальнику и уставился на себя в маленькое тусклое зеркальце. Но, кроме напряженно смотрящего на него немигающего стариковского глаза, ничего не увидел. Чуть отклонившись в сторону, он совсем огорчился: в зеркальце замелькали его небритый подбородок, красноватый нос, вскинутые белесые брови...

– Да, – протянул Деев вслух, – многовато стесываться придется.

Когда уже шло переселение, Деев стал замечать, что вокруг дома все чаще появляются странные тени. Они торопились скрыться, нырнуть в темноту, едва замечали, что на них обратили внимание. Выглянув иногда из окна, из двери сарая, обернувшись от собачьей будки, Деев видел в сумерках сгустки темноты у забора, под яблоней, на углу. Но стоило хлопнуть дверью, кашлянуть погромче, позвать Кандибобера, тени тут же исчезали. Ранним утром или уже вечером они проникали во двор сквозь щели в заборе, а которые посмелее, бесшумно входили в калитку, опасливо приближались к самому дому и, пройдя вдоль стены, пригнувшись, чтобы их не заметили из окон, исчезали, уходили тем же путем. Иногда, собравшись по двое, трое, они подолгу стояли в кустах, переговариваясь друг с другом. Но сколько ни прислушивался Деев, ничего, кроме шелеста листьев, разобрать не мог. Замечал тени и Кандибобер, но стоило ему залаять, как они тут же растворялись в осенней дымке.

Деев злился, ворчал недовольно, случалось, нарочно стучал чем попало, без надобности звал Женьку, разговаривал с ним во весь голос, стараясь этим распугать ненавистные привидения.

– Ты чего бурчишь, батя? – не выдержал как-то Женька.

– Ходют, ходют, дожждаться никак не могут. Жив я еще, жив! И дом, и сарай стоят как стояли. Видно же, что люди живут здесь – свет горит, занавески на окнах, собака лает... И нечего тут шастать, нечего хоронить меня раньше времени!

– Да о ком ты, батя?!

– А вон, – Деев неопределенно махнул рукой в сторону сада. – Дровишки им нужны. Уж из-под тебя готовы доски рвать! Ну, народ, спасу нет!

– Вон ты о чем! А я уж подумал грешным делом – заговаривается сосед... А эти... Они правильно делают. Не всех ведь сносят, зима идет, холодно зимой-то...

– Да что я, против?! Я не против! Ломай, круши, поджигай! Чего хочешь вытворяй. Но дай сначала мне по-людски уйти. Ить не унесу я дом с собой-то! Оставлю. Негде мне его в квартире разместить. Вчера смотрю из окна, а они уж кусты смородины роют! Не жалко смородины, даже хорошо, что выроют, не пропадет смородина, мне на душе спокойно от этого... Но дай уехать спокойно!

– Да, батя, – вздохнул Женька, – тяжело, я смотрю, тебе уезжать, ох тяжело!

– А тебе? Тебе легко?

– Как сказать... – Женька обвел взглядом двор, дом, ковырнул ногой землю, помолчал. – А знаешь – легко. Надоело. Люди в гости ходят, в отпуск ездят, просто в окно глядят, а ты мордуйся возле этого дома с утра до ночи. Там течет, там сифонит, там, не успеешь оглянуться, уж зима катит в глаза... Нет, батя, я рад. Да и твои, я смотрю, ожили, голоса веселые.

– Веселые голоса, – подтвердил Деев. – Веселей не бывает. Они уж чемоданы сложили, узлы связали, перетаскивать потихоньку начали, я сходил все банки, бутылки сдал... Дело за тобой, а, Жень? Перевезешь? Там два шкафа, кровати...

– Перевезу. Дело простое. А с деревьями как же?

– Опять на тебя надежда. – Деев осторожно посмотрел на Женьку. – Ты не беспокойся, я после твою машину вымету, все честь по чести... А?

– Не выйдет.

– Что так? А, Жень?

– Не поднимем мы с тобой эти кубы земляные, надорвемся.

– Авось! Люди добрые помогут.

– Ну ты, батя, даешь! Оно тебе надо? Двадцатилетние деревья с собой таскать... Обалдеть можно. А как же с домовым? С собой берешь или оставляешь?

– Как сам решит, – серьезно ответил Деев.

Женька весело глянул на старика, хотел спросить что-то потешное, озорное, но сдержался.

Жена Деева, Вера, была женщиной деловой, энергичной и словно бы вечно озабоченной важными делами, которые непременно нужно закончить сию минуту. По опустевшим комнатам она ходила гулко и быстро, эхо металось за ее спиной, множась и дробясь; нерасторопный Деев лишь в последний момент успевал шарахнуться в сторону, чтобы пропустить жену с узлом, с мешком, набитым старой обувью, торопящейся в другую комнату, где, конечно же, ее ждут не дождутся.

– Посторонись! – весело кричала дочь, видя растерянность отца. – Посторонись! – и хохотала, припадая к стенам.

– Ты это... – начинал говорить Деев, но заканчивать уже не было надобности, поскольку Вера, только что стоявшая у раскрытого шкафа, уже звенела тарелками на кухне.

– Дорогу, папаня! – кричала Наташка, и он послушно прижимался спиной к стене, чувствуя лопатками, затылком, ладонями крутые сглаженные бревна.

– А ну-ка хватит кукситься! – сказала Вера. – Затяни вот этот узел! Так... молодец. А теперь отойди.

– Ты это... Вера...

– Ну? – резко, на ходу обернулась жена. – Чего тебе?

– Надо бы посидеть... Напоследок... Положено...

– Насидишься! – Сдернув со стола клеенку, она с глумом свернула ее в рулон. – Наташка! Держи!

– Куда ты, маманя? Она же изрезанная вдоль и поперек! От старости ломается.

– Там разберемся! А ты чего маешься? – Вера повернулась к Дееву. – Давай, давай, шевелись! Не стой на месте! Мы еще одну ходку успеем сделать. На завтра пустяки останутся.

– Так я это... с Женькой договорился... Он завтра все и перевезет с утра.

– Как же, перевезет! Он еще свое не перевозил!

– Сказано – перевезет, – упрямо повторил Деев.

– Ну ладно, посмотрим.

Двери были распахнуты, с окон сдернуты шторы и занавески, подстилки и дорожки, которые прикрывали щели в полу, выщербленные доски, круглые мышинные дыры, лежали теперь свернутые в плотные колбаски, и дом сразу стал холодным и чужим. Квадраты окон пугающе выделялись черными провалами в неизвестность.

Войдя из полутемного коридора в кухню, Деев опешил. Среди разгрома, среди тряпья, мусора, битой посуды, которую хранили годами в надежде когда-нибудь склеить под настроение, среди дырявых кастрюль и проржавевших ведер возвышался ободранный, щелястый стол, а на нем одиноко и значительно стояла зеленоватая с лиловой нашлепкой бутылка водки. Над ней на длинном мохнатом шнуре раскачивалась пыльная лампочка.

– Чего стоишь? – раздался из коридора веселый голос Веры. – Беги за соседями. Прощальную пить будем. Ты не против?

– Кто, я? Это ты у меня спрашиваешь?

– Нет, у Кандибобера! – рассмеялась Наташка. Она была в отца краснолицая, а в мать – крепко сколоченная, громкоголосая и тоже вечно озабоченная каким-то неотложным делом.

Женька пришел со своей женой, Настей, женщиной крупной и молчаливой. Впрочем, рядом с Женькой все женщины казались крупными и молчаливыми. Не говоря ни слова, Настя развернула газетный сверток и положила на стол нарезанную вареную колбасу, несколько луковиц, хлеб.

– На новом месте чего получше найдем, – как бы извиняясь, сказала она.

Пили из оставшейся в доме посуды – фарфоровых чашек с отбитыми ручками, из рюмки с отколотой ножкой.

– Ну, – Деев поднял белую чашку с голубым цветочком на боку, – спасибо этому дому... Прожили мы здесь немало, спасал он нас и от стужи, и от жары...

– Будем живы! – крикнул Женька.

– Постараемся! – подхватила Наташка, стрельнув глазами на тщедушного соседа.

Женщины чокнулись и молча выпили. И тут же, едва успев закусить, сорвались с места и снова взялись перетаскивать узлы, впихивать в них что-то, вытаскивать. За стеной послышался ставший уже привычным глухой грохот – Настя с новыми силами готовилась к завтрашнему переезду.

Деев налил еще, Женька поднял рюмку с отколотой ножкой, чуть капнул из нее в чашку Дееву, вроде и немного отлил, а все на душе спокойнее – дескать, мало пью, если и прихватит брюхо, то не по моей вине.

– Что-то, я смотрю, поправилась твоя Настя перед новосельем? – спросил Деев, пряча глаза.

– Ничего! – беззаботно ответил Женька. – Скоро опять похудеет.

– Никак прибавление?

– А то как же! Нам ведь двухкомнатную на троих дали.

– Как на троих? Вас же двое!

– А я им справку под нос! Так, мол, и так, скоро нас будет трое. Справки при распределении тоже учитываются. Так что дитенок не обязательно должен быть в наличии.

– Шустер, однако... Шустер.

– А куда деваться, батя! – Опынев, Женька присмирел, заговорил тише. – Я ведь в жизни больше квартиру не получу, – сказал он, припав неловко грудью к столу. – И не будет у меня другого случая ее получить, обзавестись, построить... Так что, батя, считай, крепко мне повезло. Ничего я не сделал ни против закона, ни против совести своей. Положено беременную бабу за двоих считать? Положено. И спасибо. А то дите родится – куда мы его?

– Ну что ж, сделал и сделал. – Деев обвел глазами темные, прокопченные стены кухни, погладил край стола, осторожно перевел дух, чтоб Женька не подумал, не дай бог, что он вздыхает. – А я вот мальцом был, все хотел взрослым побыстрее стать. Думал, стану взрослым, вот тогда и жизнь у меня начнется. Стал... Ну и что?.. Радости мне прибавилось? Нет. Похоже, всю радость, что мне отпущена была, я еще тогда спустил, в детстве. Потом лет двадцать отработал, в охотку отработал, не жаловался, но... О пенсии стал помышлять. Выйду, думал, на пенсию и уж тогда заживу в свое удовольствие. Вышел. Полное счастье, да? Дальше некуда, да? Ан нет. Теперь вот новая квартира... Понимаешь... – Деев перешел на шепот, опасливо оглянулся. – Понимаешь, такое в душе у меня состояние, будто я все дальше и дальше... Понял? И не могу остановиться, и вернуться не могу.

– От чего дальше? – тоже шепотом спросил Женька, поняв, что речь идет о чем-то важном для Деева.

– Вроде от самого себя все дальше. Вот когда мальцом был – это я, самый что ни на есть Васька Деев. А потом подросток, женился... и от себя как-то чуть отошел. Будто я все тот же, и люди меня узнают, и по фоткам вроде я, а вот чего-то важного, что и делает-то меня Васькой Деевым, нет. Понял? Ушло. Выкипело. Потом другие события, то-се... А я дальше от себя,

дальше... Ужас! – прошептал Деев, пристально глядя на Женьку синими глазами. – И я, что хуже всего, не могу остановиться. Как с горы. Вот скажи – ты меня знаешь?

– Ну?

– Во. И жена знает. И соседи, и по работе... А ведь я того...

– Что... того?

– Я не такой. Я другой.

– Хуже? Лучше? – попытался пошутить Женька.

– Не знаю. Чую только – не такой. А какой – и сам не знаю. Вот когда один остаюсь, вроде возвращение происходит, приближаюсь я к тому мальчонке, будто согласие у меня с ним наступает. А как на людях оказываюсь, и говорю не то, и думаю не то...

– Может, возраст?

– Может, возраст, – согласился Деев. – Хочешь, признаюсь?

– Ну? – хрипловато спросил Женька.

– Лежу иногда, закрою глаза, прислушаюсь... Вроде до сих пор ходит по дому тот оборванец Васька Деев. Вижу, в чем он, что у него на ногах, в какой рубашке, вихры его нечесанные вижу, даже знаю, что он ел утром... То на чердак заберется, то на кухне крышкой звякает – проголодался, надо понимать. И больше всего, знаешь, чего боюсь? Что он войдет в ту комнату, где я лежу.

– И что же, заходил?

– Ни разу. Все мимо, мимо по коридору... А как-то раз остановился у моей двери, вроде зайти хочет, знаю, что и ему хочется на меня посмотреть, любопытно ему, каким он станет. И тоже боязно. Так и не зашел... А ты говоришь, квартира.

– Откажись.

– Легко сказать... Сам старею, Наташка вон... Внуки скоро пойдут. Да и сносят дом-то наш, сносят! – Деев поднялся, провел рукой по стене, понюхал ладонь. – Пахнут бревна-то... Сколько стоят, а пахнут...

– Ну ладно, пока. – Женька поднялся. – До завтра, батя! – Поддернув воротничок пиджака, будто это могло спасти его от холодных капель, он вышел в коридор, сбежал по ступенькам, а пробравшись сквозь мокрые кусты к своей террасе, нетерпеливо потер стенку рукой, понюхал. – Бревно – оно и есть бревно, – проговорил озадаченно. – Дерево, сырость, плесень... А когда-то наш дом, наверно, неплохим сосновым бором был.

Кто бы мог подумать, предсказать, что через много лет – а после этого вечера в самом деле пройдет еще много времени – и у старика Деева, и у его соседа Женьки Антюшева не больно веселый ужин в полутемной, разгромленной переселением избе, зеленая бутылка водки, грустная лампочка на длинном мохнатом от пыли шнуре, обнаженные квадраты окон, капли сгустившегося тумана, изредка звонко бьющие по жестяному карнизу, и сами они, зябко ссутулившись вокруг стола, пропахшего старой, прилежавшейся клеенкой, – кто бы мог предположить, что все это в малейших деталях останется у них в памяти, вплоть до того, что Женька будет помнить название газеты, в которую была завернута колбаса, – «Новые рубежи». И стоит когда-нибудь в будущем тому же Женьке Антюшеву услышать или прочитать это привычное сочетание слов, он сразу вспомнит темную кухню своего соседа Деева и их пятерых, тогда их еще было пятеро, слегка опьяневших, слегка оробевших от предстоящего переселения в новый дом.

Да, старик Деев, его жена Вера, их дочь Наташка, непривычно молчаливая в тот вечер, и супруги Антюшевы навсегда запомнили даже надрывные вздохи, изредка доносившиеся из-под стола, – предчувствуя что-то, заранее страдал Кандибобер. Запомнили и странную подавленность, будто они, сговорившись, совершали не больно красивый поступок, о котором потом и вспоминать-то будет неловко. И вряд ли они понимали, перед кем их вина, в чем она, да и

нужно ли ее понимание! Вина, и все тут. Не перед этими же бревнами, сложенными пятьдесят лет назад в виде дома на двух хозяев...

На следующий день с утра Женька подъехал к дому, резко притормозил, посигналил, вызывая Деева. Вдвоем они с трудом втащили в кузов несколько деревьев, приготовленных к пересадке. После них в саду остались черные уродливые ямы, и Деев, не выдержав, зарыл углубления, а потом еще загреб эти места опавшими листьями.

– Садись, батя, поехали! – крикнул Женька.

– Я того... в кузове. – Поставив ногу на заднее колесо, Деев неловко полез в кузов самосвала, к деревьям.

– Э, нет, батя! Так не пойдет! – запротестовал Женька. – У меня права отберут. Не положено живым людям в кузове. Слезай. Ничего с твоими заморышами не случится.

Тот послушно слез с машины, поднялся в кабину, захлопнул дребезжащую дверцу и замер, глядя прямо перед собой на разъезженную дорогу.

Возле нового пятиэтажного дома, окруженного горами глины и бетонными плитами, машина остановилась. Женька помог Дееву опустить деревца и тут же уехал. У соседнего котлована Деев набрал несколько ведер чернозема, вперемешку с листьями ссыпал его в приготовленные накануне ямы и осторожно опустил в них деревца. Только после этого отковырнул доски, которыми были обшиты корни. Просветы между стенками ям и земляным кубом корневищ Деев плотно забил землей и отправился в соседний лес за дерном, чтобы укрыть землю вокруг посаженных деревьев. Когда все было закончено, он прошел несколько раз вдоль всего дома, привыкая к нему, смиряясь с его видом, множеством окон, подъездов. Изредка, как бы между прочим, он поглядывал на свои деревца, сравнивал их с теми, которые успели посадить другие жильцы. Постепенно в душе его освобождалось место для нового жилья, для этих окон, рябин, уже разбитой машинами асфальтовой дорожки. Пришло ощущение покоя и справедливости – именно так и должно быть, все правильно, он сделал так, как требовали давние таинственные законы, по которым он жил, не сознавая того.

* * *

Железная кабина самосвала была явно великовата для Женьки, он чувствовал себя в ней просторно, иногда даже одиноко, как в большой пустой комнате. Боковое стекло он чуть опустил, и холодный осенний воздух гулял по кабине, наполняя ее запахами ночной дороги, мокрого леса, погасшего костра. Изредка на поворотах фары освещали деревья с редкой мертвой листвой, но едва дорога начинала выпрямляться, деревья тут же пропадали, будто отшатывались назад, в лес. Слушая удары капель по крыше кабины, Женька улыбался, чувствуя себя неуязвимым, надежно защищенным от непогоды, случайностей.

В тот вечер Женька приехал раньше обычного, и первым, кого встретил во дворе, был Деев. Тот поджидал его, сидя в своей квартире у окна.

– Сосед! – радостно закричал Деев, будто что-то прорвалось в нем. Он вышел на порог и нетерпеливо махал рукой, поторапливая Женьку. – Подь сюда! Да живее, живее. Господи, хватит тебе копать! – Деев почти втокнул его в свою квартиру. За рукав он поволол упирающегося Женьку к окну. – Гляди-ка! Каково? – Деев улыбался блаженно и загадочно.

– А что там? – Женька обернулся, ничего не понимая.

– Ты смотри, смотри! Видишь? Ну, под носом у тебя, под носом! Да куда ты смотришь-то! – В голосе Деева прорывалось нетерпение.

Женька послушно осмотрел подоконник, оконный переплет, попробовал, как работают шпингалеты, хотя уже догадался, что хотел показать ему Деев.

– Деревя! – не выдержав, крикнул старик. – Деревя видишь?!

– А-а! Посадил все-таки... Ну-ну! Ты, батя, даешь... А что, ничего деревья. Надо же, прям с ягодами посадил... Мастак, ничего не скажешь.

– Ты вниз, вниз посмотри. – Деев тыкал сухим узловатым пальцем в стекло. – Видишь? – И, не дожидаясь, пока Женька догадается, в чем дело, сам подсказал: – Дерь!

– Мать моя женщина! – восхитился Женька, и его маленькие глазки засветились неподдельным почтением. – То-то шуму будет, а?

– Какого шуму? – насторожился Деев.

– Ну, это... весной... Листья шуметь будут.

– А! – просиял Деев. – Это точно.

– И гроздья будут в самое окно просовываться, а?

– Будут, запросто дотянутся.

– Только это...

– Что? Что – это?

– Сетку бы на форточку повесить. Сетка нужна. Я тебе достану. У нас в гараже есть.

– На кой?

– Ну, эти... как их... – Женька нарочно поддразнивал старика, видя его нетерпение.

– Ну? Ну?!

– Дрозды. Они же налетят в открытую форточку, подоконник загадят...

– Загадят, – мечтательно улыбнулся Деев. – А и ладно. Пусть. Все запах. Какой-никакой, а живой! А то все извесь, линоль... Не запахи, а черт знает что! Ну да ладно... Ты как, больно занят?

– А что? Опять везти что-то?

– Сходили бы к старому дому, а? Проведали бы... А, Жень?

– Чего его проведывать? Уж на дрова, наверно, тащат во все стороны... Полный разгром.

– Это да, – печально согласился Деев. – У меня там, понимаешь, дело... Собака-то осталась, Кандибобер... Там и живет. В одиночестве, можно сказать.

– Ты же собирался с собой взять!

– Привел я его сюда, все честь по чести. – Негромкий сипловатый голос Деева звучал растерянно. – Привел, хотя мои очень возражали. Баба поначалу ни в какую, а дочка вообще... Короче, были против. Ты, говорят, еще туалет во дворе вырой, чтоб уж совсем никакой разницы, чтоб все было, как в той гнилой избе. Ну ладно, говорю, выгоняй. Раз такое дело – выгоняй.

– И выгнала? – ужаснулся Женька.

– Ты слушай. Взяла она его за холку, это Кандибобера, значит, подвела к двери, а я из другой комнаты на все это дело смотрю. Что, ты думаешь, дальше происходит? Молчит пес, понял? Ни слова. Ни тебе скулежа, ни лаю, ничего. И даже не упирается. Не то чтобы с охотой идет, но и не упирается, только глазом косит, на бабу мою смотрит... А та подволокла его к двери и это... в рев. Во как. Села прям на пол и ревет... Так что, проведаем Кандибобера?

– Пойдем, – вздохнул Женька. – Моей еще нет, с работы, видно, не пришла, окна темные... Пошли. И чем все кончилось?

– Слушай. Выхожу в коридор, а они сидят друг напротив дружки и один другому в глаза смотрят. Баба ревет, а он так сидит. Меня увидел, хвостом об пол постучал и глаза потупил, извиняется, надо понимать, что бабу до слез довел. Все, зараза, чует. Он уж нас так изучил, так изучил... Вот несущ пожрать. Ему мягкое надо, зубов-то нету... Два клыка, да и те шатаются.

– Значит, выгнали все-таки? – уточнил Женька.

– Не, сам ушел. Переночевал и ушел. Прихожу вечером – нет пса. Туда-сюда – нет пса. Спрашиваю у своих – вы Кандибобера обидели? Клянутся и божатся, что не обижали. Попроился, говорят, на улицу и ушел. Хорошо, иду к старому дому. А там уж крыши нет, шифер весь растащили, рамы повынуты, да и от стен немного осталось... Деревя тоже какие повывруб-

лены, какие попорчены, какие вырыты... – Деев помолчал. – Ну ладно, прихожу, а посеред сада печка стоит, чуть дальше – крыльцо. Два столбика по бокам, а на ступеньках Кандибобер лежит. Дома нет, а крыльцо осталось. Услышал мои шаги, как залает! По-хозяйски так, кто, мол, идет, кого черти без дела носят? А когда узнал... Что было! Уж он и по земле катался, и в ноги бросался, и по саду кругами, кругами... Думал, видно, что я насовсем пришел, что теперь мы снова заживем, как прежде. Ну, так вот, я ему и говорю: пошли, дескать, домой, хватит свои принципы показывать. Привел. Постелил фуфайку в углу, тут, говорю, будешь жить. И кончай, говорю, фокусничать, шастать туда-сюда, зима скоро, холода пойдут, околеешь, к чертовой матери, от морозу. Нет, отвечает, не могу. Хоть режь меня, говорит, а не могу я на вашей новой квартире оставаться.

– Это кто говорит? – спросил Женька.

– Кандибобер, кто же...

– Пес, выходит?

– Ну! Баба, мол, косится, дочка ворчит, все не так да не этак... Не там будто лежу, не так стою, угол темный, того и гляди, чтоб кто не наступил... Нет, не останусь. И наутро опять ушел.

Женька хотел было расхохотаться и уж рот раскрыл, но, взглянув на лицо Деева, передумал. Хмыкнул только, передернул плечами, засунул руки поглубже в карманы. Однако не выдержал:

– Это на каком языке он тебе все это поведал? Не на французском ли, случаем?

– Чего это на французском, – обиженно проговорил Деев. – На человечьем.

– А может, на собачьем?

– Может, и на собачьем, какая разница. В общем-то я его понимаю, сам бы так поступил.

Ну, посуди, что за жизнь такая: туда не ходи, там не ступи, во двор захочешь – жди, пока у хозяина настроение появится или кому понадобится выйти... Да не прозевай, успеи проскочить в дверь, да еще так, чтоб шерстинку на бабьей юбке не оставить, а то под зад пинком получишь, во дворе кота обляять не смей, да и прилечь во дворе-то негде, везде мусор, железки, грязь, мокрота... Нет, правильно пес решил, я его не осуждаю.

Дальше шли молча. Деев шагал, не сворачивая – резиновые сапоги позволяли, а Женька все старался перепрыгнуть через лужи, обходил залитые места на асфальте, то прижимаясь к самому забору, то выходя на середину дороги, но это мало помогало, и его тоненькие, еще летние туфельки скоро промокли насквозь.

Приблизившись к знакомой калитке, оба как-то насторожились, словно в ожидании чего-то неприятного. В просветах между деревьями вместо привычных, да чего уж там – родных бревенчатых стен они увидели пустоту, белесую полоску заката. Дома не было. По саду валялись искореженные доски, тряпье, кирпичи от рухнувшей трубы, битый шифер, веяло уничтоженным жильем. Деев прошел потерянно по саду, остановился, споткнувшись о дверцу печи, пнул ее ногой, поднял.

– Какое литье, сколько узоров люди делали на такой простой вещи... Дверца! А ее хоть на стенку вешай... Я перед этой дверцей, наверно, полжизни просидел. – Деев виновато глянул на Женьку и отбросил чугунную дверцу к стволу яблони, чтоб не разбили походя, не унесли, не забросили в грязь.

Женька знал, что через день-второй Деев придет за этой дверцей. Конечно, таясь от хозяйина, ее выбросят, как только она надоест в доме, а надоест она быстро, поскольку среди обоев, среди тонких перегородок и встроенных шкафов будет совершенно чужой и ненужной. Раздражающей. А Деев спохватится, вспомнит о ней как-нибудь, долго будет искать, ворча и переворачивая все в доме, пока в какую-нибудь горькую минуту прозрения не поймет – выбросили ее, давно уж выбросили.

– Где же пес-то? – спросил Женька.

– А вот он. – Деев резко повернулся к приближавшемуся в темноте шороху. Из желтоватых сумерек кустов на них выкатился повизгивающий, постанывающий клубок, мягко и радостно ткнулся в Женьку, бухнулся в ноги Дееву и снова умчался в кусты. Вокруг них пронесся шорох, топот мягких лап, пес вырвался из кустов, понесся прямо на Деева, но остановился, припал на передние лапы и, пролаяв несколько раз, метнулся к тому месту, где еще совсем недавно стоял дом. Рядом под березой покосилась наскоро сколоченная когда-то будка. Раньше Кандибобера нельзя было загнать в нее никакими силами, но теперь, словно поняв неизбежность перемен, пес поселился в будке спокойно и обреченно.

Деев нащупал в темноте миску и вывалил в нее остатки супа из бидона, принесенного с собой, помешал подвернувшейся щепкой и, убедившись, что суп достаточно остыл, отошел в сторонку. Только тогда Кандибобер поднялся, не торопясь, с достоинством подошел к миске, понюхал, посмотрел на Деева, качнул хвостом и принялся есть. Ел не жадно, не заглатывая пищу, но и не тянул, не притворялся, что она ему безразлична. Время от времени поднимал голову, как бы проверяя, не ушел ли хозяин, и опять принимался за похлебку.

Женька пошел по саду, тоже, видимо, томясь прощанием, а Деев неожиданно почувствовал беспокойство, словно вот сейчас, в эту минуту должен сделать нечто важное, к чему долго подбирался, стыдясь самого себя. Но какие-то давние тревоги пробудились в нем и потребовали удовлетворения, он сам еще не знал, отчего пришло желание остаться одному, спрятаться где-то в темноте, чтобы совершить положенное. Войдя в желтую холодную листву яблони, положив ладони на ее шершавый ствол, он вдруг понял ясно и отчетливо, что ему необходимо сделать, решил подумать об этом, не таясь от самого себя...

– Ты это... – негромко, почти шепотом начал Деев, – ты смотри, конечно, как тебе лучше... Но это... я к чему говорю... Дома-то нет, растащили дом... Может, я чего не так... Оно сразу-то и не сообразишь, но того... давай к нам, а? Давай! Сколько лет вместе, вроде не обижали друг дружку, слов дурных не бросали попусту... Там, конечно, не то, что здесь, но угол себе найдешь, сам выберешь... Ты уж не обижайся, что сразу не позвал, некуда было звать, стены одни. А сейчас – давай. Смотри, тебе виднее, ваш брат не в каждое место пойдет, но вот тебе мое слово – приходи. Душевно прошу. – Он постоял, справляясь с волнением, погладил в темноте невидимый, царапающий ствол яблони, коснулся лицом влажной листвы, как бы общаясь к непонятному, но почитаемому им миру безгласных существ. И когда обращался он вслух или про себя к той же яблоне, к туче, к морозу, в этом было не только желание поговорить с самим собой, этим он признавал и за ними некую волю, разум, способность поступать и так, и этак. Деев не заглушал в себе это стремление обратиться уважительно к деревьям, туману, опавшим листьям, ему казалось даже, что он совершает нечто необходимое, справедливое, но о чем нельзя сказать другому. И не из боязни насмешек. Кошунственно это будет, оскорбительно для всех тех существ, с которыми он общался всю жизнь. Это был его личный мир, и только его касалось, как ему строить отношения с деревьями, звездами, всеми, кто обитал на чердаке его дома, в соседнем озере, в саду, за речкой. И сознание того, что со всеми у него наладились добрые отношения, наполняло его уверенностью, спокойствием, давало право уважать себя.

Деев подошел к остаткам печи, повозился вокруг, насобирал щепок, сухих листьев и сунул в печь. Оглянулся воровато – не стоит ли Женька за спиной, не насмехается ли, вынул из кармана прихваченный коробок спичек и, стараясь не думать, чтобы не смущать себя трезвыми и правильными мыслями, поджег щепки. Они охотно запылали, и в глубине одиноко торчащей посреди сада печи возникло слабое трепетное сияние. Блики огня запрыгали, заиграли на красноватом лице Деева.

– Ты что, батя, печку решил протопить? – спросил Женька.

– Решил, – коротко ответил Деев, не оборачиваясь.

Женька хмыкнул озадаченно, отошел. По шороху шагов поняв, что сосед направился к калитке, Деев сгреб обгоревшие щепки в бидон. Знал он давний, полузабытый обычай – если

хочешь, чтоб в новом жилище лад был, собери жар из старой печи и перенеси в новую. Только вот вроде хозяйкина это обязанность, но не доверил Деев жене это душевное дело. Заглянув в бидон, он накрыл его крышкой, но не плотно, чтоб не погасли, не задохнулись угли. Когда-то мать его так поступила, и вот надо же, стариком уже вспомнил.

– Быстро с домом управились, – сказал Женька, подходя.

– Управились, – подтвердил Деев. – Чего тут управляться-то... Ломать – не строить.

– Тихо как, а? Не верится даже, что в такой тишине жили. – Женька склонил голову набок. Где-то за лесом взвыла, набирая скорость, электричка, над головами прошел невидимый самолет, в одном из оставшихся домов залаяла собака...

– Знаешь, вот так сiju, пока он есть, и это... – Деев запнулся, помолчал. – Боюсь оглянуться. Сдается, что дом за спиной, как и прежде, стоит. И окна светятся, и дым над трубой, и голоса, и люди... Вроде чего тут страшного: дом – он и есть дом... А оглянуться боязно. Закрою глаза и открыть боюсь, веришь? Боюсь открыть. Знаю, что, кроме развороченной глины, черных кирпичей, золы и щепок, ничего не увижу, а вот чудится, что стоит дом за спиной, и сам я по тому дому хожу, молодой еще, с гонором, с пониманием о себе... Дескать, дайте срок, мы еще покажем, что к чему... И сладко на душе, и до того больно – спасу нет...

– Бывает, – неуверенно протянул Женька, осторожно кося глазом за спину – черт его знает, может быть, и в самом деле... Не зная, что сказать Дееву, он повторил вроде самое безобидное: – Бывает. – Со вздохом произнес, с сочувствием: дескать, как не понять, понимаем.

– Дом ладно, дом куда ни шло, тут все просто в общем-то: снесли, разобрали, бревнышки на чурки распилили, топорами раскололи, будет тепло людям зимой... Не о том речь. Жизнь за спиной – во! Понял? И голоса, люди, шаги по деревянным доскам – это все во мне гуляет, никак затихнуть не может, эхо от жизни гуляет, я так это понимаю. И знаешь, слышу, кто-то по сеням ходит, там всегда дверь плохо открывалась, и вот слышу – тяжело дверь открывается и кто-то с грохотом захлопывает ее за собой... И комнаты, вижу, светятся в темноте... Осень, дождь, ветер, деревья шумят... Как деревья шумят! Прямо будто во мне что-то обрывается... И чую, как беда какая в доме, беспокойство... А может, это я хожу по дому, может, свои шаги слышу? А? У тебя так бывает? – Деев неожиданно повернулся к Женьке.

– Что тебе, батя, сказать... Такого, конечно, не бывает. Нет. С домом у меня все в порядке. У меня с машиной отношения сложные...

– Да? Ишь ты... А он, – Деев кивнул на собаку, – он ведь тоже... Да точно, и не сомневайся. Что-то ему видится здесь... Прихожу вчера, а он по саду бродит и повизгивает, будто ластится к кому-то... Думаю, к кому это мой Кандибобер так льнет, с кем это он успел познакомиться? Подхожу – никого. Понял? Один ходит по саду...

Деев замолчал, и опять стало слышно, как идет дождь, как бьют капли по оставшимся листьям. Не выдерживая ударов, листья обрывались с веток и тяжело, не кружась, падали на размокшую землю. Подошел Кандибобер и ткнулся мордой Дееву в колени.

– Иди в будку, иди, Кандибобер!

Собака виновато шевельнула намокшим хвостом, отошла на несколько шагов, даже не пытаясь спрятаться от дождя.

Деев наклонился, потрепал собаку за ухо, похлопал по спине, сбивая впитавшуюся влагу. И тут же, не разгибаясь, осторожно оглянулся. Не увидев ничего, кроме желтоватой лампочки на покосившемся столбе, распрямился, оглянулся смелее, пристальнее посмотрел на то место, где стоял дом.

* * *

За окнами, прикрытыми газетами да простынями, мелькали фигуры новоселов. Они протирали окна, приколачивали карнизы для штор, подвешивали абажуры, выпрямляли переко-

шенные встроенные шкафы – забот хватало. Снаружи дом окружали котлованы под новые дома, подъездные дороги покрывала полуметровая жижа, сложенные панели мокли под мелким осенним дождем.

– Ты чего, батя? – спросил Женька, заметив, что Деев вдруг прибавил шаг.

– Это... Что-то там возятся у окон... Вон опять кто-то проскочил... Видишь?

– Ну и что? Народ ходит, дом обживает, радуется счастью своему неожиданному-негаданному. – Женька попытался сбить мрачную настороженность старика.

– Обживают, говоришь? Это мы сейчас посмотрим, кто там чего обживает. – И Деев устремился вперед. Женька в своих туфельках поотстал, но тоже заторопился. Мелькавшая у окон фигурка действительно казалась странной. Выйдя на дорожку, тянущуюся вдоль подъездов, они тут же заметили на асфальте бесформенную кучу. Это были деревья.

– Вот это по мне! – радостно воскликнул Женька. – Это молодцы! Не успели дом сдать, а уж саженцы завезли! Что творится! Неужели порядку дождались?!

– Дождешься, – проворчал Деев, направляясь к сваленным деревьям. Поднял одно, осмотрел при слабом свете из окон и выронил.

Взял второе деревце, повернул его к свету. Женька не видел лица старика, но в самой фигуре Деева, в его согнутой спине, в руках, опущенных вдоль тела, было нечто такое, что заставило Женьку забеспокоиться.

– Ты чего, батя? Поплохело?

– Тут поплохеет. – Деев всматривался в темноту, будто дожидаясь, что вот-вот кто-то должен объявиться.

– А что случилось? – продолжал допытываться Женька.

Деев в ответ бессильно шевельнул рукой, посмотрел на Женьку, беспомощно оглянулся.

– Случилось... Деревя... Мои деревья. – Он показал на темную кучу. – Понял? Рябина. Черноплодная. И не выдернута из земли, срублена. Уж больно хорошо я ее зарыл, нельзя было из-под дерна выдернуть, а эти вот повыдерганы.

Не дослушав, Женька подбежал к окнам деевской квартиры, увидел несколько маленьких безобразных пеньков – видно, рубили деревья бестолково, как попадая, торопясь. Вначале стволы искрошили у корней, потом надломили и вывернули. Вокруг даже щепок не было, только от пня тянулись длинные надорванные волокна. Женька обалдело замер на какое-то время, пытаясь понять происшедшее, будто надеясь, что все это имеет еще какой-то смысл, не столь очевидный и зловещий.

Подошел Деев, ощупал свежие пни. Женька, все еще не веря, все еще сомневаясь, достал спички и, посветив, уже четко и бесспорно увидел искромсанные пни.

– Да, – протянул он, оглядываясь по сторонам. – Как же это понимать?

– Вот и я хочу спросить – как понимать? – Деев, не поднимаясь с корточек, даже головой потряс, словно пытаясь освободиться от чего-то гнетущего, непонятного. – Мешало кому? Нет, под своим окном посадил. Может, украл я у кого эти деревья? Тоже нет, в своем саду вырыл, с собой вот привезли... Может, хулиганье?

– Какое, к черту, хулиганье! – Женька распрямился. – Будут тебе хулиганы деревья в кучу стаскивать, как же! – Женька вдруг замолчал. – Слышишь? – прошептал он злорадно. – Тащит.

– Что тащит? – не понял Деев, но тоже начал всматриваться в темноту, откуда все отчетливее доносился слабый скрежещущий звук.

– Дерево тащит, еще одно, слышишь?

Деев поднялся, распрямился, его кулаки сжались, он тяжело выдохнул воздух. По асфальтовой дорожке кто-то, торопясь, тащил дерево. Вот человек попал в полосу света, падавшего из окна, и Деев увидел, что это женщина. И тут же узнал ее – это была его соседка, она получила квартиру в том же подъезде, а работала в жилищно-коммунальном отделе. Он вспомнил, как

она кругами ходила вокруг него, когда он с деревьями возился. Уже тогда, значит, затевала и, надо же, ничего не сказала.

Женщина почти бежала, разбрызгивая лужи резиновыми сапогами. В одной руке у нее было тощее деревце, видно, только что срубленное в конце двора, а в другой – маленький топорик. Подтащив дерево к общей куче, женщина бросила его сверху и тут же опасно отступила в темноту.

– Это как же понимать, гражданка Замотина? – Деев неожиданно для самого себя вспомнил ее фамилию.

– Ой! Кто это? – Голос у Замотиной был низкий и сипловатый, но даже в этом невольном возгласе Деев почувствовал ее сварливость и какую-то охотную готовность ругаться.

– Сосед твой, – ответил Деев.

– А вот так и понимать! – Чутье Замотиной подсказало ей, что перед нею человек слабый, ничего не может он сделать, кроме как покричать, ногами потопать, на худой конец обзовет нехорошим словом. А в этом она была посильнее. И Замотина решительно бросилась в наступление: – Понатыкали, понимаешь, палок в землю, весь вид испортили!

– Это какой же такой вид мы испортили?! – заорал Женька. – Пустырь засадили? Грязь поприкрыли? Не такая она, стало быть, красивая сделалась? Да?

Замотина посмотрела на обоих, соболезнующе покачала головой, явно наслаждаясь положением. Был у нее удар, верный и безотказный, которым не однажды побеждала в самом злом и отчаянном споре.

– Э-эх! – вздохнула Замотина. – Уж глаза позалили! Хороши соседи мне попались, веселое житье, я смотрю, у меня намечается!

– Веселое житье у тебя уж началось! – Деев решительно шагнул вперед, понимая в то же время полнейшую свою беспомощность.

Не знал он, не знал, как ему быть дальше, что позволено, что недопустимо. Все вероятные поступки смешались, и только что-то злое и несуразное ворочалось в нем и требовало, требовало выхода. Отныне его отношения с самим собой на многие дни вперед будут зависеть от того, как он поступит. Или будет уважать себя, как и прежде, или же придется что-то заглушить в себе, прятаться от себя, казнить, бродить по остаткам старого дома и объяснять себе, Кандибоберу, деревьям и облакам свою оплошность, а пес будет бродить за ним следом, глядя на хозяина жалостливо и разочарованно. Да, совершенно неожиданно Деев представил грустную собачью морду, и, странно, это придало ему сил, он ощутил уверенность в том, что в любом случае он поступит правильно, почувствовал уважение к своему протесту, к своему злу. Не думая, не зная, зачем он это делает, Деев наклонился и ловко вырвал топорик из рук Замотиной.

– Ты что же это натворила, а? – спросил он, шагнув к отпрянувшей женщине. – Ты что же это, паскудница, все деревья порубила, а?

– А потому порубила, что неправильно были посажены! – взвизгнула Замотина. – Надо же, своих деревьев понавозили! Вы еще собачьи будки во двор свезите, на лестничных площадках коров попривязывайте! Никак не вытравишь из вас кулацкое нутро!

– Это у меня кулацкое нутро?! – задохнулся Деев. – У меня?! – Он беспомощно оглянулся на Женьку. – Ты по ночам людской труд уничтожаешь и не по-кулацки, значит, поступаешь? – Он говорил все тише и медленно, медленно приближался к Замотиной, а когда оставался один только шаг, когда он уже не мог подойти ближе, его рука, сжимавшая топорик, странно дрогнула, ее повело в сторону, за спину, вверх, вот уже рука оказалась над головой. В этот момент на маленький топорик с блестящим лезвием вдруг упал розовый свет из окна первого этажа, и лишь тогда Замотина поняла опасность и, пискнув, с удивительной проворностью нырнула в подъезд. Деев почти настиг ее на бетонных ступеньках крыльца. В последний момент Женька

успел перехватить его, но Деев вырвался, одним махом преодолел три ступеньки. Замотина уже прошмыгнула в свою квартиру.

Все еще во власти гнева, Деев принялся топориком крошить ненавистную дверь. Жидкая пустотелая перегородка дрожала под ударами, топорик вяз в ней, и каждый раз его приходилось выворачивать из рыхлой фанеры. Деев продолжал рубить, чувствуя, что его отпускает, что становится легче и на место ненависти, всколыхнувшей все его существо, приходит привычная, успокаивающая усталость. Он уже почти спокойно подумал о том, что все это зря и так просто ему не сойдет...

Деев не видел, как настороженно выходили из квартир люди, не чувствовал, как Женька безуспешно пытался оттащить его от двери, отобрать топорик, как визжали и причитали женщины, испуганно глядя на него с площадки второго этажа сквозь прутья перил. Он пришел в себя, лишь когда кто-то сзади легонько похлопал его по плечу. Деев оглянулся и увидел милиционера. Громадный рыжеватый парень со светлыми ресницами смотрел на него больше с любопытством, нежели с возмущением.

– Кончай, батя, – пробасил милиционер. – Хватит. Отдохни. Ты уж достаточно поработал.

И Деев вдруг ощутил такую давящую усталость, что даже не вынул топорика из двери, повернулся, подошел к ступенькам и тяжело сел, ухватившись за перила. На душе было гадко и пусто.

– Ну, врезал старик! – услышал он молодой голос и, подняв голову, увидел людей, заполнивших всю лестничную площадку. Они переговаривались, усмехались, недоумевали.

– Прошу разойтись! – басил милиционер, сам, видимо, не зная, как поступить – то ли звонить начальству, то ли забрать престарелого хулигана с собой или же, учитывая его возраст, оставить родне на поруки до утра.

Женька пытался что-то втолковать Дееву, но тот слышал лишь его тонкий, сочувствующий голос. Смысл слов не доходил. И вдруг он встретился взглядом с Замотиной. На мгновение вынырнула ее остроносая мордочка из-за локтей, спин, вынырнула и тут же снова спряталась. «В окно сиганула!» – догадался Деев и невольно усмехнулся, представив, как Замотина, подобрав подол, прыгала в распахнутое окно.

– Какой старик тихий был, – раздался из темноты жалостливый голос, в котором, однако же, четко слышались осуждающие нотки.

– То ли еще будет! – захохотал кто-то в ответ.

– Может, он в свою же квартиру ломился? Ключ потерял, к примеру, а?

– Ты посмотри на дверь! Кто же в свою-то вот так ломится?

– Да бабу он зарубить хотел, бабу!

– Батюшки-светы! В его-то годы еще с бабами путаться! Ну, дела!

– Разум гаснет, – бубнил кто-то на площадке второго этажа. – Гаснет, и все тут!

– Да ведь она же первая за топор взялась! – прорвался крик Женьки. – Она же все деревья повырбила! Не так, говорит, растут! Не та, видишь ли, порода у них. Не тот возраст! Это ведь додуматься надо – убить дерево!

– Что-то я не пойму! – Замотина вынырнула из-за спин и воткнулась в самую середину спорящих. – Дерево срубить – преступление злодейское, а топор на человека поднять – вроде даже грамота ему за это положена, да?

Деев медленно поднялся, опершись рукой о перила, посмотрел на дверь. Усмехнулся – из дверей до сих пор торчала резиновая ручка туристского топорика. Разговоры сразу смолкли, все смотрели на него с любопытством и опаской – может, старик еще не остыл, вдруг снова к топору потянется...

– Совсем новую дверь изрубил. – Милиционер, расшатав топорик, с трудом выдернул его из двери. – Знаешь, папаша, человек ты горячий, кто тебя знает... Пошли со мной, а? Как бы

чего не вышло. Протокол опять же составим, у нас и переночуешь. Машина во дворе, доставим. Не возражаешь? Вот и хорошо. А вы, граждане, посторонитесь.

Деев вышел на бетонные ступеньки крыльца, и в глаза ему тут же бросилась блестящая милицейская машина с синим фонарем на крыше.

– А вы, гражданка, почему стоите? – спросил милиционер Замотину. – Прошу в машину.

– Чего я там не видела? – бойко ответила Замотина.

– А что, уж все повидала? – спросил Женька. – Частенько, наверно, по отделениям приходится шататься? Ну, дает баба!

– Уж если кто шатается, – Замотина торжествующе оглянулась на соседей, – то мы знаем, кто тут шатается. Уж так, бедный, шатается, так раскачивается... Как деревце в хороший ветер.

– Знаем. – Женька через силу улыбнулся посередевшими от бешенства губами. – Не зря ты о деревцах заговорила, ты ведь не только на дерево готова топор поднять.

– Чего знаешь, чего не знаешь – твое дело. – Замотина с деланой беззаботностью махнула рукой, но напряженный голос, срывающийся на тонкий сип, выдавал волнение. – А вот кто в самом деле может на человека топор поднять – тут уж вопросов нет, тут уж все ясно. Али надо все-таки кому-то голову располосовать, чтоб понятно стало? – Замотина опять уперла кулаки в бока, изогнулась сухоньким телом, чтоб как можно язвительнее, злее звучали ее слова, наповал чтоб убивали. Она стояла как раз в проеме двери, и Деев хорошо видел ее черный силуэт в светлом прямоугольнике.

– Что тебе сказать... – Женька задумчиво посмотрел женщине в переносицу.

– Давай-давай! – вдруг крикнула Замотина и изо всей силы толкнула Женьку к машине. – Полезай! Не отвертеться тебе от соучастия! Ишь какой!

– И вы, гражданка... – Милиционер взял Замотину под локоток и сделал широкий приглашающий жест. – Будем выяснять обстоятельства. Будем искать виновных.

– Искать?! – Замотина, уже шагнув было к машине, вдруг резко обернулась. – А чего же их искать? Вот они, виновные, в полном составе, тепленькие еще, потому как на горячем их поймали! Каких вы еще виновников хотите искать?

– Разберемся, – миролюбиво сказал милиционер, тихонько подталкивая Замотину к машине. – Во всем разберемся.

Милиционер последним влез в маленький зарешеченный кузовок и с силой захлопнул дверцу.

Милиционер, доставивший Деева, Женьку и Замотину, не говоря ни слова, положил на стол перед лейтенантом туристский топорик. Тот закончил разговор по телефону, не торопясь, с легкой брезгливостью осмотрел топорик, попробовал остроту лезвия, взвесил на руке, словно прикидывая его опасность, поднял глаза на Женьку.

– Ты?

– Да нет, батя вот послабление себе дал, – сказал милиционер.

Лейтенант с удивлением посмотрел на Деева, перевел взгляд на топорик.

– Так... Твой, значит?

– Мой, – резко сказала Замотина, нарушив рассудительное течение беседы. – Мой топорик. А он отнял. У меня. И хотел по голове. Меня.

– Все понятно, – проговорил лейтенант озадаченно. – Покушаемся, значит, на жизнь человеческую? Что вы, граждане, не поделили?

– Деревя, – хмуро ответил Деев.

– Понятно. Дрова, значит?

– Дровами они сейчас стали. А были дерева.

– Снесли нас! – взвился Женька. – Снесли! Поселили в новом доме. Батя вот посадил деревья под окнами. А эта баба порубила. Этим топором порубила. И превратила их в дрова.

– Ага, вон что у вас. – Дежурный с облегчением откинулся на спинку стула. – Выходит, и тебе, батя, тесно стало жить... А я-то поначалу подумал, что ты из свидетелей.

– Он и есть главный задержанный, – пояснил милиционер. – А гражданка эта по причине своей шустрости успела в квартире спрятаться и дверь запереть. Он и начал дверь эту рубить.

– Так за что ты ее? – спросил дежурный у Деева.

– Говорю же – дерева срубила, – хмуро ответил тот. – Я посадил, а она срубила. Рябину.

– Рябину? – удивился дежурный. – Разве можно рябину рубить? – Он недоуменно посмотрел на Замотину.

– Квартиру нам дали, – вмешался Женька. – Мы из старого дома перевезли несколько деревьев... Батя вон в лес ходил, дерну принес, обложил дерном у корней... А она срубила. В темноте прокралась и срубила. Вот этим самым топором.

– Ну и дела, – протянул дежурный. – Гражданка Замотина, скажите мне, зачем вы срубили дерево, которое посадил папаша? – Подперев пухлую щеку так, что перекошилось все его лицо, дежурный ждал ответа.

– А мне начальство велело! Вот! Начальство. Я что? Я человек маленький.

– Что же вам велело начальство? – невозмутимо продолжал дежурный. – Какие такие указания дало?

– За порядком велело смотреть. Чтоб во дворе было чисто, чтоб жильцы не самовольничали... А то ведь они такие, – Замотина пересела поближе к дежурному, – им только волю дай, они не то что деревья, погреба начнут во дворе рыть. Дом по своему разумению перестроят!

– Ответьте мне, гражданка Замотина, на такой вопрос: давало ли начальство вам указание вырубать деревья? А если такое указание было, кто именно его вам давал?

– Господи! – Замотина всплеснула сухонькими, обезьяньими ладошками. – Да при чем тут деревья! Речь идет о другом – могут жильцы вытворять все, что заблагорассудится, или им нужно давать какой-то отпор! Это же кулацкие замашки! Сегодня они деревья понатыкают, а завтра на газонах картошку начнут сажать! – Замотина приблизилась вплотную к дежурному. – Попомните мое слово – начнут деревьями, а кончат грядками.

– Очень даже может быть. – Дежурный положил плотную ладонь на листки протокола. – Но меня интересует другое – был приказ рубить деревья или нет?

– Коли б приказ был, – проговорил Деев, – то не пришлось бы ей среди ночи, в темноте по кочкам прыгать да от людей прятаться.

– Деревья должны быть посажены в ряд, одной породы, одного возраста, одного роста. – Замотина загибала перемазанные землей пальцы, перечисляя обязательные условия посадки.

– Значит, приказа не было? – Дежурный склонил голову к столу, готовый повторить этот вопрос еще десять, сто раз, пока не получит четкий ответ для протокола. Замотина посмотрела на него с нескрываемой жалостью, соболезнующе покивала головой.

– Если бы мы все делали только то, что нам приказывают... – начала она и замолкла, подыскивая слова, которые бы сразу поставили на место этого настырного лейтенанта.

– То что бы тогда случилось?

– Хм, – Замотина нервно улыбнулась, поерзала возмущенно на жестком стуле, – будто сами не знаете.

– Понятия не имею, – простодушно ответил дежурный. – Я не понимаю, что же плохого, если все мы будем в меру сил и способностей выполнять указания руководства? Дело от этого только выиграет. Поэтому я, например, – дежурный говорил все тише, но голос его окреп, – стараюсь сначала выполнить то, что обязан по службе, а уж потом проявлять инициативу, творить, выдумывать, пробовать.

Женька, напряженно вслушивающийся в разговор, незаметно подмигнул Дееву: дескать, не дрейфь, батя, кажется, наши дела не так уж плохи.

– Хотите, скажу всерьез? Хотите? – Замотина заговорила со скрытой яростью. – Скажу. А почему бы мне и не сказать? Так вот, граждане хорошие... Если таким вот типам волю дать, – она кивнула на Деева, – вы представляете, что произойдет? Нет, вы представляете?

– Очень интересно было бы узнать, – заметил дежурный.

– Он же опять за топор возьмется! – через силу хохотнула Замотина. – Вы на него посмотрите! Его без топора и представить невозможно...

– Может, и верно, что без топора меня представить трудно, – хмуро заговорил Деев, глядя исподлобья на Замотину. – И без лопаты, без пилы, без рубанка. Потому что всю жизнь у меня в руках был инструмент. Над этим и посмеяться можно, кое-кому смешно видеть человека с лопатой, с топором, с кайлом... Но с топором, между прочим, – Деев повернулся к дежурному, – мы сегодня вот эту гражданку задержали. Не с лопатой, а с топором. Не сажала она деревья, а вырубала. Я вот что еще скажу... – Деев твердо посмотрел на дежурного. – Если я посадил, а она уничтожила, она не только меня обидела. Она всех нас обидела.

– Ишь как ловко повернул! – воскликнула Замотина.

Дежурный поднялся, медленно прошел вдоль сидящих перед ним людей, остановился у окна и, откинув проволочный крючок, открыл форточку. Огни в домах поредели, от издалека пронесившихся запоздалых машин по лицу дежурного мелькали светлые блики. Он вернулся к столу, пошелестел листками протокола, потрогал клавиши многочисленных переключателей, вздохнул.

– Наша семья жила на окраине большого города... Вокруг кукурузные поля, дальше картошка росла... Когда думаю об этих местах, сразу почему-то запах картофельной ботвы вспоминаю... Картошка уже вырыта, ботва лежит на земле, сохнет, и такой от нее запах... Запах детства. Вокруг нашего домика несколько деревьев росло. Нас было трое братьев, и, наверно, можно сказать, что выросли мы на кленах, там клены росли от одного корня, стволов пять, не меньше.

Замотина смотрела на дежурного с настороженным недоумением. Она сразу почувствовала, что эти воспоминания чем-то направлены против нее. Осторожно посмотрев на Женьку, Замотина утвердилась в своих подозрениях: тот улыбался, слушал внимательно, одобрительно.

– Осень помню, – продолжал дежурный, ни к кому не обращаясь. – Клены кострами полыхают, осень в тех краях солнечная, сухая, тепло держится долго, а небо до того синее, что глазам больно. И вот краски в памяти остались – красные клены и синее небо... – Дежурный помолчал. – Помню, как-то котенка с дерева снимали, забрался от собак подальше, а слезть не мог, сутки просидел, все орал, наконец не выдержали мы, полезли... А дерево высокое, тонкое, раскачивается, вверху кот орет, внизу мать ругается... Еще какой-то полоумный петух был, любил, бывало, взлететь на это дерево и орать на всю округу. Ох и орал, дурак, ох и орал! – Дежурный восхищенно покрутил головой. – До сих пор звон в ушах стоит.

Что-то не нравилось Замотиной в этом рассказе, она ерзала на жестком стуле, обеспокоенно вертела головой, и постепенно неуверенность охватывала ее душу.

– А что это вы про петуха взяли рассказывать? – не выдержала Замотина и подалась вперед от нетерпения.

– Про какого петуха? – удивился дежурный. – Я ничего про петуха не говорил. О другом, правда, был разговор... Вспомнил вот дерево. Я же не виноват – без спросу вспоминается, можно сказать. А у вас было такое дерево? – неожиданно спросил он Замотину.

– Нет. – Замотина отвернулась. – Я в лесу выросла.

– А у вас, Деев?

– Что говорить! – Деев махнул тяжелой красноватой ладонью. – И рябинку, которую эта вот... срубила, во всем лесу узнаю.

– А ты поплачь, поплачь, оно и полегчает, – зачастила Замотина.

– Плакать не будем, – строго проговорил дежурный. – Зачитываю протокол, – строго проговорил он. – «Гражданка Замотина, руководствуясь собственными представлениями о правилах посадки деревьев в новом микрорайоне, на пустыре у многоквартирного дома срубила посаженные гражданином Деевым деревья. Возмущенный ее самовольством, гражданин Деев вырвал из рук гражданки Замотиной топорик, типа туристский, которым вышеупомянутая гражданка Замотина под покровом темноты рубила деревья, и, не владея собой, изрубил входную дверь квартиры гражданки Замотиной, чем привел ее в полную негодность...»

– Кого привел в негодность? – спросил Женька, стараясь выглядеть серьезным.

– Дверь, конечно. – Дежурный для верности еще раз посмотрел в листок протокола. – «Да, привел дверь гражданки Замотиной в негодность...» Правильно написано? Не отрицаете? Прошу подписать. Вот так... А теперь можете быть свободны.

– Это как же понимать? Вы что же, не посадите его? – Замотина с недоумением оглянулась на Деева.

– Деева? – переспросил дежурный. – Нет, не посажу. Воздержусь. Сажает суд. Вот суд пусть и решает.

– Так нельзя! – вдруг закричал пьяный в своем углу. – Если ты так говоришь, то я больше знать тебя не хочу! Кончилась наша дружба, Коля! Кончилась... Больно большим человеком ты стал, мне уж не дотянуться... Иди себе с богом... За тобой не угонишься, ноги не те... Да и охоты особой нету...

– А кто мне дверь вставит?

– Да вставим тебе дверь! Иди уже, Христа ради! – заорал Женька. – Иди, пока идетя! – Подождав, пока Замотина, пробираясь вдоль стен, дошла все-таки до выхода и прошмыгнула в дверь, он повернулся к дежурному: – Ну, а это... как сказать-то... Что ему светит?

– Думаю, суток десять-пятнадцать придется ему на пользу родного города потрудиться. Скорее всего по части благоустройства. – Дежурный позволил себе улыбнуться. – Так что работа будет не в тягость, а, папаша?

– Поработаем, – ответил Деев, поднимаясь. – Отчего ж не поработать.

Дали Дееву пятнадцать суток.

Приговор он слушал спокойно, и единственное, о чем попросил суд, – это направить его на работу в район нового дома. Судья несколько удивилась, поскольку обычно осужденные умоляли не направлять на свою улицу, чтоб не срамиться. Накануне Деев сам остригся наголо – не утруждать же милицейских парикмахеров, но, как выяснилось, сделал это напрасно, потому как стричь его никто не собирался. Он стоял перед судьей, опустив угластую голову, и молча ждал ответа на свою просьбу.

– Я правильно вас поняла, Деев, вы изъявили желание отбывать наказание возле своего дома? – отчего-то раздражаясь, спросила судья, полная крашенная блондинка. – Почему? Вы можете ответить?

– Могу, чего ж тут хитрого. – Деев пристально посмотрел на судью, пытаясь понять, как она к нему относится. – Потому что там работы много.

– Но и в других местах много работы... В нашем городе, слава богу, достаточно грязи, есть где повозиться.

– Ну, не посылайте, коли нельзя. Делов-то!

На следующий день Женька побрился, надел клетчатую рубашку, начистил туфли и отправился к начальнику жилищно-коммунального отдела. Он строго-настрога наказал себе быть сдержанным, ни в коем случае не повышать голоса.

Войдя, он снял кепку и остановился, терпеливо ожидая, пока начальник поговорит по телефону, положит трубку, поднимет на него усталые глаза.

– Слушаю.

– Я по поводу Замотиной...

– Знаю. Все знаю. Я с ней уже говорил. У тебя все?
– Мужик-то, соседу моему, пятнадцать суток дали... Нехорошо.
– Да уж хорошего мало, – согласился начальник. – А ты что хотел? Он же топор на человека поднял. Все правильно. Да, Замотина у нас работник старательный, но ошибки возможны. Ты вот никогда не ошибаешься? Ты кем работаешь?

– Водителем. Ну и что? Старика-то посадили. Эта Замотина ваша повыдергала все деревья! Какой же это порядок?!

Женька продолжал отрывисто выстреливать фразы, постепенно распаясь, начальник задумчиво смотрел на него, и Женька под этим взглядом стихал, запал его ослабевал, и наконец он замолк на полуслове.

– Кем, ты сказал, работаешь?

– Водителем, – озадаченно проговорил Женька. – А что?

– Переходи к нам слесарем, а? У нас слесарей нет... Квартирку дадим... Переходи.

– Да вроде есть квартира-то, дали мне... В этом же доме.

– Тем более! Тебя как зовут-то?

– Женька... Евгений то есть.

– У вас в доме воду подключили?

– Нет. Обещали на неделе... А что?

– Не будет воды на неделе. И на следующей не будет. – Начальник с силой потер лицо ладонями. – Слесарей нет. Некому подключать.

– Долго ли подключить?

– Долго. Надо все краны проверить, исправить поломанные, заменить некоторые нужно... А то дадим воду и тут же полдома зальем. Вот как, брат Женька... Так что, пойдешь?

– Подумать надо.

– Зарплата невелика, меньше, наверно, твоей, но ты можешь еще по совместительству – перечить не будем, даже поможем... Как у тебя по этой части? – Начальник выразительно щелкнул себя по горлу, издав булькающий звук.

– Нормально, – ответил Женька. – В порядке, – поправился он, но ему показалось этого маловато, и он добавил: – Не пью я, можно сказать. Брюхо болит.

– О! – обрадовался начальник. – Тогда ты для нас просто находка! Ну, так что, по рукам?

– Подумать надо.

– Подумай, – поскуцнев, ответил начальник. – Отчего ж не подумать... А с Замотиной я потолковал. Не будет больше деревья рубить. Что получилось – ей пятьдесят стукнуло, вот она и развила деятельность, чтоб благодарность заслужить. Нет у нее других радостей.

– И что же, вынесли ей благодарность?

– Вынесли, – кивнул начальник. – А как же! Надо же поощрять людей за добросовестный труд. Она ведь хотела как лучше, общественную активность проявила, не о себе думала...

– О себе! – успел вставить Женька.

– Если сам о себе не подумаешь, то кто же? – улыбнулся начальник. – Видишь, как гуманно мы к людям относимся, переходи к нам, а? А твой старик сам виноват... Будто вчера родился. Пора привыкнуть. А то ишь, нервный какой!

* * *

Деев под присмотром милиционера работал во дворе своего дома – начальник райотдела милиции усмотрел в этом дополнительный воспитательный фактор. Иногда кое-кто из новых жильцов выходил из дому, помогал Дееву. Тот от помощи не отказывался. С особой тщательностью он уничтожил следы зловредной деятельности Замотиной – выкорчевал остатки срубленных деревьев, свалил в траншею ветви, подровнял землю.

– Бог в помощь! – не упускала случая поприветствовать его Замотина.

Деев сдержанно и беззлобно благодарил ее кивком. Иногда вместе с милиционером и еще двумя осужденными заходил домой попить чайку, но не злоупотреблял этим и всегда из-за стола поднимался первым.

Проходил день за днем, и Деев начал замечать, что Замотина теряет злую уверенность в какой-то своей правоте, что жажда отомстить, наказать рассасывается в ее душе. Особенно это стало заметно, когда Женька поставил новую дверь Замотиной.

– Может, и замок поставишь? – смущаясь, спросила Замотина. – Я уж в долгу не останусь, а?

– Замок? – не сразу понял Женька. – Это надо к Дееву обращаться. Он мастер по этому делу. Правда, пока в заключении находится, не имеет права... Но потолковать можно.

Отпустили его в субботу. Поблагодарили за службу, старшина на прощание руку пожал. Первым делом Деев отправился к месту, где стоял его старый дом. Еще издали, увидев остатки забора, знакомый поворот, он почувствовал, как колотится сердце. Уже у калитки понял причину волнения – Кандибобер. Как он здесь, жив ли? Женька обещал подкармливать пса, ну а там кто его знает...

Собаки на месте не оказалось. В будке белел неметеный, нетронутый снег. Деев обошел заснеженный пустырь, где недавно стоял дом, походил по саду – следов Кандибобера не нашел. Он несколько раз позвал собаку, и его голос звонко и одиноко прозвучал в морозном воздухе. Кандибобер не появился.

– Ну и правильно, – сказал Деев. – Чего тебе здесь делать... Это не жизнь. Ушел – и правильно.

Пустырями, напрямик Деев зашагал к новому дому. Он увидел его издали и даже не узнал поначалу: весь дом светился окнами. За две недели его уже заселили, и счастливые новоселы с наслаждением обдирали забрызганные жирными пятнами обои, перекрашивали полы, перевинчивали косо приколоченные шпингалеты, ручки, двери встроенных шкафов. Не жалели ни сил, ни денег, чтобы очистить квартиры от оставленного строителями духа пренебрежения к своей работе, к будущим жильцам, да и к самим себе. В каждом шурупе, заколоченном кувалдой, в каждом протекающем кране, в сорванной резьбе проступала какая-то ненависть к неведомым обидчикам, такой вот работой строители словно хотели выразить непонятный им самим протест.

Не глядя по сторонам, он проскользнул в свой подъезд и торопливо нажал кнопку звонка. Дверь открыла дочка.

– Батя! – воскликнула она. – Наконец-то! Mam! Глянь, батю отпустили на волю!

– Да ладно тебе, – буркнул Деев. Он бросил телогрейку на пол, прошел в комнату и уселся за стол, глядя прямо перед собой.

– Есть будешь? – спросила жена.

– Чего? – вздрогнул Деев.

– Есть, говорю, будешь?

– Да уж покормили.

Что-то говорила дочка, осуждающе бубнила жена, но Деев не слушал их, и радости освобождения не было. Он напряженно прислушивался к самому себе, стараясь понять, как приняли его здесь. Не дочь, не жена, нет, за них он не беспокоился. Телевизор явно издевался над ним, посмеивался. Старая кушетка стояла в углу мирно, не было в ее облике осуждения. «Это хорошо», – подумал Деев. Он посмотрел в темноту второй комнаты. Свет там был выключен, и в комнате стоял густой, но прозрачный полумрак – виден был стол, картинка на стене, тяжелый гардероб из крашеной фанеры. Ощувив исходящее из этой темноты тепло и спокойствие, Деев облегченно перевел дух. Значит, он здесь... И хорошо.

– Как Женька? – спросил Деев.

– А что ему делается? Живет. Вон под окнами шастает – деревья сажает.

– Деревя?! – Деев долго смотрел в окно, прижав ладошки к стеклу, но так ничего и не разглядел. В прихожей он подобрал с пола телогрейку, нескладно, торопясь, натянул ее, надел шапку и вышел.

Во дворе, между домом и котлованом, Деев увидел маленькую фигурку Женьки.

– О! – воскликнул тот обрадованно. – Никак освободили сердешного?! Да здравствует свобода!

– Кандибобер ушел, – тихо сказал Деев.

– Да, три дня как ушел.

– Чего ж раньше не сказал?

– Вот и сам узнал.

– И то верно, – согласился Деев. – А чего копаешься? Тоже срок получил?

– Нет. – Женька счастливо рассмеялся. – По доброй воле рою яму ближнему. Твоей подружке Замотиной месть затеял. Смотри! Ох уж эти заготовители-благоустроители! Понадергали в лесу целую рощу, а тут мороз ударил. Они все бросили и по домам. А я что, свалил все деревца на свой грузовик и доставил сюда. Штук двадцать посадил уже, а еще около сотни осталось.

– В мерзлую землю?

– Ну! Весной мест своих не узнают. Заснули в лесу, а проснулись в нашем распрекрасном дворе.

– Не примутся, – грустно обронил Деев.

– Что?! Пусть попробуют! – И Женька снова принялся долбить землю. Закончил ямку, выгреб из нее звенящие комья земли, снова повернулся к Дееву. – Я считаю, что каждая ямка для дерева – это вроде как могила для Замотиной, понял?! И такие во мне силы пробуждаются – страшно становится. Но от помощи не откажусь.

– Отчего ж не помочь, – вздохнул Деев. – Только это... куда он мог уйти? Может, подыхать пошел?

– Ему виднее, батя.

– Как паршиво все получилось, ну просто слов нету!

– Глянь! – вдруг прошептал Женька.

Деев оглянулся и увидел, что к ним кто-то идет, обходя в темноте вырытые ямки. Когда человек оказался на фоне освещенных окон, они узнали – Замотина.

Женщина подошла, посмотрела на них, оглянулась на сваленные в кучу деревья.

– Сажаюте?

– Не одной же тебе сажать! Ты вот батю на пятнадцать суток посадила, а мы лет на сто сажаем. Сечешь разницу?

– Да ладно тебе злиться-то... Я чего подошла... – Замотина помялась. – Может, зайдем ко мне, а? У меня уж приготовлено... По рюмочке с морозцу-то не грех, а? Мировую выпьем... Заодно и новоселье отметим... У меня и выпить не с кем. А с вами какое-никакое, а знакомство получилось... Идемте, мужички, уж повинюсь я перед вами... Что ж, так и будем жить с топором в душе-то, а?

Женька забеспокоился, ему стало как-то неуютно. Он окинул взглядом холмик мерзлой земли, покосился на Деева – тот стоял отвернувшись.

– Я уж и стулья от соседей принесла... Наготовила кой-чего...

– А чего наготовила-то? – спросил Женька придиричливо.

– Картошки наварила, огурчики есть... Банку грибков открою...

– Ох, Замотина, Замотина! – вздохнул Женька. – Прямо не знаю... что с тобой делать...

Тимофеич, что с ней делать?

– Теперь-то уж мы соседи до конца, – сказала Замотина и первой направилась к подъезду.

- Чего скажешь? – спросил Деев негромко.
- А черт ее знает! – растерянно ответил Женька. – Вроде не шутит.
- Надо идти.
- Думаешь, надо?

Незначачими словами они старались оттянуть принятие решения, хотя оба уже знали – пойдут, все-таки пойдут в гости к Замотиной, не смогут отказаться.

- А куда деваться? – проговорил Деев.
- Я думал еще несколько деревьев закопать...
- Пошли. Надо.

– Ну, раз надо, то другой разговор, – с облегчением сказал Женька, с силой вгоняя лом в мерзлую землю. – Завтра закончим.

– Послушай, ты вот что мне скажи... – сказал Деев шепотом, чтобы не услышала Замотина, поджидавшая их на площадке у своей двери. – Откуда она знала, что мы с тобой пойдём к ней, а? Я вот не знал, а если б кто спросил, то сказал бы, что не пойду. И ты не знал. А она знала. Значит, не такой она человек, как мы с тобой, а? Может, похуже, может, получше, а вот не такой.

– Баба, она и есть баба, – ответил Женька, не очень разобравшись, что имеет в виду Деев. – Она ведь не просто деревья выдергивала – общественной деятельностью занималась. Благодарность себе зарабатывала. И заработала. Много ли бабе надо!

– Нет, не такой она человек, – повторил Деев. – И знаешь, она заранее решила, что не сможем мы с тобой отказаться от приглашения. Понял? А раз не смогли отказаться, то и поступила с нами, выходит, правильно. Вот выпьем сейчас по рюмке, она это и выскажет. Точно, выскажет. Нет, Женя, не могу я к ней идти. Стало что-то колом в душе, и все тут... Не пойду.

– В чем дело?! – шепотом воскликнул Женька. – В третьем подъезде живет мой дружок с автобазы, у него всегда есть... Пошли!

Они осторожно спустились по ступенькам, трусцой пробежали к следующему подъезду. А когда через час поднялись на свою площадку, то увидели поджидавшую их Замотину. Она смотрела на них скорбно и настороженно. Деев виновато кашлянул, потупился.

- Ну и настырная же ты баба, Замотина! – воскликнул Женька почти восхищенно.

НОЧЬ БЕЗ ЛЮБВИ

Костя сидел в пустой машине и, положив руки на баранку, рассеянно слушал, как стучит дождь по крыше. Фары были выключены, стекла опущены. На ветровом стекле собирались капли и рывками стекали вниз. В мокрых боках автобусов отражались огни аэропорта, освещенный подъезд, голубоватые фонари на высоких столбах. Последний самолет прибывал около двенадцати, и Костя знал, что до полуночи будут слоняться подвыпившие грузчики, будут светиться окна да похрипывать музыкальный агрегат в ресторане на втором этаже.

– Эй, дружок! – В машину заглянул грузчик в потрепанном халате. – Не угостишь сигареткой? А то, понимаешь, кинулся по карманам...

– Угощу. – Костя, не глядя, взял с сиденья пачку, встряхнул, чтобы из прорванной дырки показалась сигарета, протянул в окошко.

– Может, и погретьсяпустишь? – улыбчиво спросил грузчик.

– Пуцу. – Поддернув вверх стопорную кнопку, Костя открыл дверь, убрал с сиденья сигареты и бросил их в ящик, где уже лежало несколько пачек.

– Ждешь кого? – Спрятавшись от дождя и от глаз начальства, грузчик, видимо, посчитал себя обязанным развлечь Костю разговором.

– Шеф отдыхает.

– Большой человек?

– А! Начальник стройуправления.

– Неплохо. Я бы не отказался.

– Я тоже. – Повернувшись к грузчику, Костя увидел щетину на подбородке, провал в зубах, замусоленный воротник синего халата.

– С бабой небось?

– Да, – неохотно ответил Костя.

– То-то здесь духами пахнет. Хорошие духи. Видно, стоит того?

– И даже больше.

– Молодая?

– В самый раз.

– Красивая? Да-а, – протянул грузчик, не дождавсь ответа. Он затаился, окинул взглядом площадь, огни, распахнутые окна ресторана. – Таким здесь самое место. Ни лишних глаз, ни лишних вопросов, ни ответов... Согласилась поужинать, и все. Остальное ясно. Значит, согласилась и на остальное. Вежливо, обходительно, без грубых слов и грязных намеков, а? И всегда есть шофер, который доставит в любое время дня и ночи, в любом состоянии, в целости и сохранности... А? – Грузчик рассмеялся, прикрывая рот рукой. – Можно, конечно, выпить и дома, но это не то. Коньяк нужно не только уметь заработать, его нужно уметь выпить. Верно?

– Было бы что, – уклончиво ответил Костя.

– Тоже правильно. – Похоже, грузчик со всем соглашался, и была в этом какая-то своя мудрость. – Ну, бывай. Спасибо за гостеприимство. – Он захлопнул за собой дверцу и, согнувшись под дождем, зачем-то подняв куцый воротник синего халата, затрусил к багажному отделению.

Костя включил «дворники», и стекло снова стало прозрачным. Из здания вышла девушка и, пробежав под дождем, упала на сиденье – Костя едва успел распахнуть дверцу. Она даже намочить не успела, только в волосах остались капли дождя. От нее пахло табаком, и это вроде бы незначительное обстоятельство начисто разрушило благодушное настроение Кости. Болезненно остро он ощутил, что это не его девушка, что, хотя и сидит рядом, прибежала она не к нему, просто захотелось сменить обстановку. И, перебросившись с ним несколькими словами,

она снова убежит туда, на второй этаж, где пьют коньяк, где играет музыка и зреет в девичьих душах согласие, готовность, нетерпение, а мужчины набираются отчаянной решимости, убеждаются в своем превосходстве и силе.

– Привет! – сказала Таня. – Скучаешь? Томишься?

– Да нет... Сплю.

– Смотри... Счастье проспешь.

– Авось.

– Не помешала?

– Сиди. Трезвей, – протянул Костя, стараясь, чтобы это прозвучало равнодушно, не опасаясь, что это прозвучит пренебрежительно.

– Да я и не пила! Нет настроения... Паршиво почему-то... Сама не знаю отчего. У тебя такое бывает?

– Все бывает...

– И как лечишься?

– По-разному... Чаще само проходит. Как шеф? В норме?

– Он всегда в норме, – чуть назидательно сказала девушка. – Разве нет?

– Почти, – уточнил Костя. – Почти, Таня.

– Ты знаешь случаи, когда Анатолий забывал о норме?

– Как тебе сказать... У нас с тобой разная система оценок. С тобой он всегда в норме, всегда в порядке.

– Смотря что иметь в виду.

– Вот и я о том же, – усмехнулся Костя. – Он не спешит?

– Ждет самолет. Не может пропустить такое зрелище. Он и столик всегда занимает у окна, чтобы все летное поле было как на ладони. А когда появится самолет, даже выпить забывает.

– Значит, хорош... Не знаю, что его в этих самолетах тревожит?

– Что-то должно тревожить человека. Разве нет?

– Конечно, Таня! Само собой. Это мы уж по невежеству своему и темноте...

– Заткнись.

Она открыла свой ящик, взяла пачку сигарет, с хрустом вскрыла ее, прикурила, бросила пачку на место и захлопнула крышку. Косте не понравилось, как она все это проделала. Словно здесь не было хозяина и она могла вести себя как ей заблагорассудится. Даже когда кто-то прикасался к машине, у Кости появлялось ощущение, будто ему на плечо положили руку. Он ловил себя на том, что морщится, когда машину встряхивает на ухабах, когда щебенка каменным дождем бьет по стеклу и днищу. И сейчас не смог промолчать, зная заранее, что не будут неприятны его слова.

– Куда сейчас едем? К тебе?

– А тебе-то что? – Она так посмотрела на Костю, будто это не он заговорил, а машина. – Знай крути. В остальном мы как-нибудь разберемся. – Она затаилась и пустила дым над собой.

– Я знаю, что мое дело крутить... Доставлять вас в хорошие места, увозить из хороших мест... В хорошем состоянии... Да еще хорошо себя при этом вести. Это я знаю. Анатолий не устает мне напоминать об этом. Теперь вот и ты напомнила. Мало, оказывается, делать свое дело, надо, чтобы тебя еще мордой время от времени тыкали... Чтoб не забывал, кто ты есть.

– Ну, прости! – Таня положила руку Косте на плечо, слегка встряхнула его. – Не дуйся, ладно? Сам же полез, сам начал! Вот и получил.

Дождь кончился. Они вышли из машины и остановились под фонарем. Что-то прогнавил диктор – где-то задерживались самолеты, отменялись рейсы, возникали и исчезали технические причины.

– Я почему спросил... – примирительно сказал Костя. – Не знаю, хватит ли бензина, ты ведь не в центре живешь...

– Да? Так ты о бензине печешься? – спросила Таня с усмешкой. – Тебя и в самом деле это беспокоит? – И Костя почувствовал, что краснеет. Он вспомнил, что она была уже в машине, когда они заехали на заправочную станцию недалеко от аэропорта. – Послушай, – Таня резко повернулась к нему, – а может, ты ревнуешь, а? Признавайся!

– Но это ведь не отражается на работе?

– Когда как... Послушай, Костя, а у тебя есть девушка?

– Девушка? Смотря что иметь в виду.

– Да брось! Что можно иметь в виду, когда говоришь о девушке! Существо, которое ты любишь, которое любит тебя, которое ты балуешь иногда, с которым озоруешь... Так есть?

– Сказать «нет» – совестно, в этом не признаются, сказать «да»... врать не хочется.

– Тяжелый случай. А почему, Костя?

– Не знаю... Я вот машину балую.

– А я бы подошла тебе?

– А говоришь, что не пила.

– Отвечай на вопрос!

Костя тронул ее короткие светлые волосы, провел тыльной стороной ладони по щеке. Она была более свободна в словах, могла говорить о чем угодно и заходить в этом разговоре как угодно далеко. Он не мог. Что-то мешало. Может, подчиненное положение, шоферская зависимость. «Как просто у нее получается, – подумал он, – как просто! Повеситься хочется от этой простоты. Послушаешь ее, посидишь рядом... и начинаешь сомневаться в самом очевидном, собственная добродетель, кажется, и гроша ломаного не стоит. Да что там гроша – о ней заикнуться стыдно. Надо же, до каких времен дожили – честность, искренность, наивность приходится скрывать как что-то позорное...»

– Так что? Подхожу я тебе? – настаивала Таня.

– Много выпила?

– Вообще-то... сама не заметила как... Уж очень Анатолий настаивал. Даже не знаю, зачем ему это понадобилось...

– Действительно! Ни за что не догадаться!

– Кончай язвить! Значит, не гожусь? Не подхожу?

– Годишься, Таня. И сама знаешь. Если б не знала, не спрашивала бы... Тебе же не ответ нужен, хочется еще раз меня мордой ткнуть...

– Опять за свое! Так нельзя, Костя. Знаешь, на кого ты похож? Ты напоминаешь мне свадебную машину. Катят все в лентах, шариках, бантиках, куклы на радиаторах, колокольчики над крышей... Едет жених и больше всего боится, чтобы шарики не лопнули, чтоб не зацепились за забор, за столб, за дом... Не надо, Костя. Это от слабости. Нельзя же всю жизнь ездить на свадебной машине.

– Нет, – сказал Костя, – я не так уж и слаб. Ведь самолюбие Анатолия ты не испытываешь? Почему? Заранее приняла, что он имеет на него право. Воздушных шариков на нем навешано не меньше, но ты себя ведешь как гаишник – останавливаешь все движение, чтоб, не дай бог, никто его не зацепил. Все ясно, он начальник управления, у него в подчинении сотни таких, как я, а если он над нами, значит, и выше нас, и лучше...

– А разве это не так? Разве это не так, Костя?

– Нет. Как шофер я даже лучше, чем этот любитель самолетов как начальник стройуправления. Поладить с ним несложно – ублажай, и все. И не говори мне, что у вас любовь или что-то в этом роде. Знаешь, со стороны виднее. Вы уже покатались... Набрали скорость. А что впереди, догадаться нетрудно.

– Думаешь, покатались? – растерянно переспросила Таня. – Костя, ты знаешь его жену? Что она такое?

– Он от нее не уйдет.

- Красивая?
- Не сказал бы... Тебе в подметки не годится.
- Умная? Умнее меня?
- И здесь можешь быть спокойна. Она не дура, нет. Но она... курица. У нее все решено раз и навсегда. Все знает, все понимает. Но лучше всего знает, что сколько стоит, на что меняется, какова доплата... Тем и живет. Успокоилась. И напрасно.
- Почему?
- Она не знает Анатолия. С ним нельзя успокаиваться. Но от нее он не уйдет.
- В чем же дело? Детей у них нет... А, Костя?
- Дело в должности. Это для него главное. Развод повредит ему, сделает уязвимым, уменьшит зарплату. Кроме того, он может лишиться этой вот машины... И тогда не сможет... Не сможет дружить с такими девушками, как ты, поступать, как ему хочется, ездить на самолеты смотреть. Он думает, делает, говорит только то, что от него требуется, что от него ждут, за что ему платят деньги.
- Невысокого же ты мнения о своем начальстве.
- Шоферам позволено. Если это не отражается на их работе.
- Непонятно вот только, почему ты всего-навсего шофер?
- А кем бы ты хотела меня видеть?
- Занимай кабинет Анатолия.
- И тогда ты посмотришь на меня ласковее?
- Да, Костя. Тогда я стану совсем ласковая. А ты перестанешь думать о воздушных шариках.
- И что происходит с людьми! – Костя ударил кулаком по столбу. – При хорошей должности уже не имеет значения, дурак ли этот человек, сволочь ли он, вор! Он попросту обязан воровать, обязан блудить, подличать, может быть, никто не заподозрил бы его в слабости, лишь бы доказать, что его не собираются снимать, что его положение прочно и незыблемо!
- Ты говоришь об Анатолии?
- Думаешь, сверхурочные за эти вот поездки он платит из своего кармана? И за бензин тоже? А машина ломается, он что же, за свои деньги будет ее ремонтировать? А коньяк он пьет за свои? За свои коньяк никто не пьет. И делают его не для тех, кто пьет за свои.
- Костя, – Таня положила ему руку на плечо, – не надо считать чужие деньги, ладно? Мне почему-то не нравится это занятие. Если уж мы начнем... нам ни на что другое не останется времени. В мире столько денег и столько людей, которые владеют ими без достаточных оснований... Которые тратят их пошло, бездарно, оскорбительно для окружающих... Не будем, ладно? Вот смотри – рядом с тобой стоит красивая женщина... Неужели она не стоит твоего внимания? – Таня стояла, прислонившись к столбу, сложив руки на груди. Поза вроде и вызывающая, но была в ней какая-то беззащитность. Костя отвел ее волосы в сторону, заглянул в глаза.
- Спокойно, Костя, – сказала Таня, поняв его состояние. – Только без рук! Только без рук! Все в порядке.
- Не вижу никакого порядка.
- Наведи! – Она передернула плечами.
- Давай бросим его к черту! Пусть смотрит на самолеты!
- Нет, Костя, ничего не получится. Он выгонит с работы тебя, перестанет звонить мне, и мы с тобой не сможем видеться даже в таких вот ворованных условиях. Это он нас познакомил, благодаря ему мы встречаемся, ты ведь никогда не заезжал за мной по собственному желанию, ты заезжал, лишь когда он посылал тебя. Может быть, эти задания ты выполнял охотнее других, но это были его задания.
- Я плохо поступал?

– Почему же! Ты очень исполнительный водитель. Он тебя ценит, доверяет даже такие вот деликатные дела. И мне ты тоже нравишься. Как водитель.

– Спасибо. Рад стараться.

– Слушай, ты усвоил какие-то лакейские замашки, тебе не кажется? Делаешь свое дело, но с обидой, причем даешь понять, что обиду не забудешь. Не надо, Костя. Это тоже от слабости. Возьми себя в руки.

– Я вижу, тебе приятно думать, что я слаб.

– Опять не то! – воскликнула Таня с досадой. – Я хочу видеть тебя сильным! Это ты можешь понять?! И не торопись мне что-то отвечать, а то опять начнешь обижаться! Если ревнуешь, то хоть ревнуй по-человечески!

– Это как?

– Поступками! Все на свете нужно выражать поступками! Любовь! Ненависть! Мечь! Слова мешают, Костя! Все в них теряется, разжижается, исчезает. Слова уходят, а поступки остаются. Надо реже говорить и чаще поступать.

– Это тебе Анатолий сказал?

– Да. Он. И я с ним согласилась.

– Сразу согласилась?

– Сразу. Я тоже так думала, но не могла выразить вслух. Могу сказать больше: он частенько говорит такое, с чем не хочется спорить.

– И ты не споришь?

– И ты, Костя, тоже. Разве нет?

Динамики, спрятанные где-то в мокрой листве деревьев, неожиданно громко, на всю безлюдную площадь сообщили, что самолет приземлится через полчаса.

– Слушай, Костя, давай прокатимся, а?

– Не возражаю.

Он сел в машину, подождал, пока сядет Таня, включил мотор, развернулся и нырнул в коридор из темных деревьев. Угадав поворот, Костя, почти не снижая скорости, свернул в сторону от города. Шоссе влажно блестело в свете фар, капли на ветровом стекле ползли в стороны, встречный поток воздуха сдвигал их к дверцам. Таня сидела неподвижно, откинувшись назад и скрестив руки на груди.

– Люблю ночную дорогу.

– А скорость?

– И скорость люблю. И встречные огни... И ветер в лицо. Я опущу стекло, ладно?

– Промокнешь.

– А! Плевать. Я не слишком грубо выразилась?

– В самый раз.

– Надо же... Что ни сделаю – все для тебя в самый раз!

– Что делать... Что делать... Я не вижу в тебе недостатков.

– Ни одного?

– Когда ты со мной – ни одного. Но ты просто обрастаешь недостатками с головы до ног, когда в машине появляется Анатолий.

– Значит, все-таки ревнуешь. Это уже хорошо, это уже кое-что...

– Что же тут хорошего?

– Это говорит о том, что ты живой человек.

– А ты в этом сомневалась?

– Да! Да! Да! Поехали назад. А то Анатолий даст тебе хороший нагоняй.

– А тебе?

– Мне? Нет. Он мне верит. И правильно делает.

– Ты ведешь себя примерно?

- Да! Хотя нет. Я не веду себя примерно. Но Анатолий поступает правильно, доверяя мне.
- Разумеется. Он мудрый руководитель, чуткий товарищ, прекрасный...
- Перестань!
- Что перестать?
- Перестань дурить. Перестань соглашаться со мной. Перестань дураком прикидываться.
- Слушаюсь. Мы приехали. Он уже ждет. Видишь?
- Вижу.
- Кому-то из нас достанется, а?
- Авось!
- Каяться не будем?
- Перебьется. Невелика птица.
- Как знать, – усмехнулся Костя. – Как знать.
- Ничего, время от времени его нужно на место ставить. И потом нас двое, а он один.
- Думаешь, нас двое? Скорее вас двое.

Анатолий стоял у перил, и его мощная фигура была видна издали. Он наслаждался видом приземляющегося самолета. Красные огни появились неожиданно низко, вынырнув из-за туч, и стали быстро приближаться к земле. Самолет увеличивался прямо на глазах, будто разбухал. Наконец его толстые колесики коснулись бетонной полосы, и он подпрыгнул, еще раз подпрыгнул, уже тяжелее, и побежал, провисая крыльями.

И лишь тогда Анатолий повернулся к машине.

– Что, ребята, покатались? – спросил он как-то уж очень доброжелательно. Не только его плечи, руки, но даже щеки, губы, брови казались сильными, натренированными. – Далеко были?

– До поворота и обратно, – ответил Костя, хотя знал, что обращаются не к нему.

– Таня, далеко прокатились?

– Он же говорит – до поворота... Садись. Поздно уже. Поедем.

– Ты так думаешь? Хорошо. Поедем. Куда?

– Домой, куда же еще?

– Да? – У Анатолия была привычка переспрашивать, будто он был удивлен словами собеседника и даже огорчен. – Ты сказала, домой?

– Сказала. – Таня подтверждала свои слова, но так, словно настаивала не на смысле, а на том, что действительно их произнесла и не собирается это скрывать.

– А может, полетим? Через полчаса последний самолет. Билеты есть. Деньги есть. Я здесь. Ты тоже в наличии. Так что? Летим?

– Куда?

– Понятия не имею! Сядем и полетим. А? Слабо? – Анатолий наклонился к машине и глянул Тане в глаза, глянул напористо, требовательно, шало. Короткие жесткие волосы его намокли, плащ был распахнут, сильная рука лежала на дверце машины, готовая рвануть ее, раскрыть, вытащить Таню из машины и втолкнуть в самолет. – Ну? И даже спрашивать не будем, куда он летит, когда вернется, да и вернется ли вообще... Прилетим в какой-нибудь город... Певек, Ташкент, Сочи... Поселимся в гостинице...

– Костя возражает. – Таня улыбнулась.

– Костя? А кто это?

– Твой водитель.

– А... – протянул Анатолий. – Ну, раз водитель возражает... Тогда, конечно... Главное, чтоб водитель дал согласие, позволил, сжалился... А знаешь, мы его с собой возьмем! Уж коли вам так пришлось по душе совместные прогулки... Ты как, Костя?

– Спать хочется, Анатолий Васильевич...

– С кем?

– Как скажете, Анатолий Васильевич...

– Костя! – предупреждаясь повысила голос Таня.

– Что? – он резко повернулся к ней.

– Опять шарики!

– О каких шариках речь? – настороженно спросил Анатолий.

– О воздушных, – ответила Таня. – О разноцветных воздушных шариках, которыми украшают свадебные машины. Ты, наверное, видел на улицах. Они выются на ветру и создают праздничное настроение, как бы обещая молодоженам долгую и счастливую жизнь, наполненную приятными встречами с хорошими людьми, обещают любовь и согласие...

– Хватит! – оборвал ее Анатолий. – Я смотрю, вас нельзя оставлять наедине слишком долго. Мы летим?

– Конечно, нет. Садись. Садись, Толя! Полетим как-нибудь в другой раз. Сегодня погода нелетная.

– Хорошо. – Анатолий подошел к машине с левой стороны, распахнул дверцу. – А ну-ка, парень, вылезай. Я сам поведу.

– А может, не надо, Анатолий Васильевич? Сейчас погода того... Дорога не совсем... Как бы чего не вышло, а то ведь как бывает...

– Вылазь, говорю!

Костя совсем близко увидел крупные глаза Анатолия, красноватые даже в вечернем освещении, налитые силой плечи, почувствовал решимость настоять на своем. Но все-таки сделал еще одну попытку:

– Дождь, дорога скользкая, видимость...

– Вылезай!

Еще по дороге сюда Костя понял, что на обратном пути Анатолий захочет сам повести машину. Так уже бывало не раз, и большой проницательности тут не требовалось. И теперь, когда тот натолкнулся на сопротивление водителя да еще рядом была Таня, слышала их разговор... Нет, подумал Костя, его уже ничто не остановит. Прошел тот миг, когда Анатолий мог отказаться от своей затеи легко и беззаботно, когда он мог шутя упасть на заднее сиденье, посадить рядом Таню и вообще забыть и о дороге, и о машине, и о Косте.

– Чему вы учите молодых водителей? – попытался пошутить Костя.

– Да? Действительно, – неожиданно сдался Анатолий. И сел на заднее сиденье. – Пусть будет по-твоему. Но я не хочу, чтобы Таня сидела рядом с тобой. Мне это не нравится. Меня охватывают тревога, сомнения и другие нехорошие чувства, когда я вижу вас рядом, впереди... Я кажусь себе позабытым и заброшенным. Мне горько, вы не поверите, но я плачу...

– Ты же знаешь, что я люблю сидеть впереди, – сказала Таня, не оборачиваясь.

– Да? – переспросил Анатолий. – Ну, тогда другое дело, оставайся там, где сидишь. Не возражаю. Уж если говоришь, что любишь...

– Люблю ездить, – холодно вато поправила Таня.

– Кстати, у тебя тушь растеклась по щекам... Глядя на тебя, можно подумать все, что угодно... Стоило тебя отпустить на полчаса, и вот нате вам – сидеть рядом не хочет, говорит сурово, водитель ведет себя дерзко, непочтительно, приказы не выполняет... Да еще эта тушь... Будто кто-то целовал тебя прямо в глаза...

Не отвечая, Таня вышла и, хлопнув дверцей, быстро пошла к ресторану. Через несколько минут она вернулась умытая и посвежевшая. И снова села впереди, рядом с Костей.

Машина, описав полукруг по площади, уже готова была свернуть к трассе, но Анатолий положил руку Косте на плечо.

– погоди, парень. Давай снова к подъезду. Курево надо взять. Не в службу, а в дружбу, сходи в ресторан, возьми... Деньги есть?

– Найдутся.

Вернувшись, Костя увидел, что Анатолий сидит за рулем. И не удивился. Еще там, в ресторане, покупая сигареты, он догадался, зачем Анатолию понадобилось посылать его за куревом.

– Вот так с вами надо! – довольно рассмеялся Анатолий. – Садись, а то автобусом придется добираться. Да и автобусов, похоже, уже не будет.

Таня не произнесла ни слова. Она вообще не вмешивалась в отношения начальника с водителем. С Анатолием разговаривала так, будто Кости и не было в машине, а с Костей – только когда рядом не было Анатолия. Это устраивало всех, и никто не пытался нарушить установившийся порядок.

Остались позади огни аэропорта, и уже через несколько минут машина мчалась по мокрой мерцающей трассе в полной темноте. Только зыбкий свет фар позволял держаться дороги. Дождь не прекращался, и «дворники» едва успевали разгрести в стороны потоки воды. Прогнув, Таня надела куртку, подняла стекло. В машине стало тише, дождь отдалился, а сидевшие в машине стали словно ближе друг к другу.

– Смотри, шофер, как надо водить машину! – сказал Анатолий, глянув на Костю в зеркало. В продолговатом овале Костя увидел полные решимости глаза, шалую улыбку, даже от сильных плеч Анатолия, от его затылка, казалось, исходила какая-то веселая злость. Видно, что-то произошло у них с Таней в ресторане, подумал Костя. И она раньше вышла, и он вот гастроль дает, успокоиться не может. После поворота, когда машину чуть было не выбросило на обочину, Костя не сдержался.

– Три с минусом, – сказал он негромко, будто про себя.

Не отвечая, Анатолий прибавил скорость. Приближаясь к городу, он обогнал полуночный автобус, набитый спящими пассажирами, сделал несколько сносных поворотов, почти не сбавляя скорости, проскочил железнодорожный переезд. Все-таки трезвым он водил неплохо, но как-то любительски красуясь. Как иногда перед зрителями принимает позы вратарь – ему мало отбить мяч, он еще должен взять его в прыжке, перевернуться в воздухе, покатиться по траве...

– Не скупись, Костя, не надо скупиться... Для друзей. Что я вам, ребята, хочу сказать... Можно? – Анатолий игриво толкнул Таню плечом. – Можно поделиться наболевшим? А то какие-то вы смурные сидите. Будто затеяли что-то, да никак удобный момент не выберете... Так поделиться?

– Поделись.

– Да? – Анатолий подозрительно покосился – Таня ответила, видимо, не так, как ему хотелось. Помолчав, он решил продолжить: – Так вот... Каждый человек должен иметь призвание...

– Смело! – бросила Таня.

– Смешно, да? Думаешь, обалдел Анатолий от выпитого... Ни фигя. Я говорю не о тех, кто сплет лучше всех, спляшет, стишок сложит или чего-то там кого-то там изобразит – на это высокое искусство я не покушаюсь. Если вот Костя, водитель наш, большой в своем деле мастак, то честь ему и хвала! И грамоту я ему к празднику вручу, и премию пожалую...

– Премия – это хорошо, – обронил Костя.

– Я не об этом!

– Так о чем же ты? – раздражаясь, спросила Таня.

– Скажу, не погоняй... Или торопишься? Не знаю, куда тебе торопиться... Меня вон жена ждет, все глаза проглядела, Костю родители дожидаться не могут, чтоб узнать, как начальство веселится... Но Костя им об этом не рассказывает, а если б рассказал, то давно бы уже на бульдозер перешел, верно, Костя?

– Мне и на бульдозере было бы что рассказывать, – усмехнулся Костя.

– Да? Тогда не будем... Так вот, Таня, все, кто может тебя ждать, здесь, в машине. Только мы с Костей – верные поклонники и воздыхатели, только мы – твои верные телохранители... Верно, Костя?

– Нет! – ответ прозвучал неожиданно резко. – Поклонник и воздыхатель – это в основном я. А уж телохранитель скорее вы, Анатолий Васильевич.

– Вон ты как... Не возражаю. А ты, Таня, не возражаешь, чтобы я был постоянным твоим телохранителем? Или, скажем, хранителем твоего тела. А?

– Это и есть наболевшее?

– О! Я и забыл... Заветным делюсь, цените! Что я хочу сказать... Каждый человек, я имею в виду не только нас троих, но и всех, кого мы знаем, кто знает нас, кого мы любим и кто любит нас, – Анатолий легко подтолкнул Таню локтем, – кто в чем-то на нас надеется и на кого надеемся мы... мы все должны приносить пользу.

– Сам догадался? – спросила Таня. Что-то произошло с ней сегодня – она все время старалась подковырнуть Анатолия, поставить под сомнения его слова, его самого, положение, которое он занимал.

– Не спеши хихикать, Таня. Мы должны приносить пользу своим близким, родным, любимым. Я говорю вам это как начальник строительного управления. А как частное лицо добавлю: главное – не ваша работа, не ваши обязанности и ваших душ прекрасные порывы... Главное – смежная специальность.

Дождь прекратился, и мокрый асфальт холодно поблескивал в лучах сильных фар. Встречная машина издали начинала мигать, предлагая убрать дальний свет, чувствовалось, что водитель там нервничает и злится. Анатолий усмехался, переключать на ближний свет не торопился, но в конце концов все-таки гасил слепящие лучи, и машина темной гудящей массой пронеслась мимо.

– Есть у нас в гараже вахтер... Костя, ты знаешь Петровича? Казалось бы, пустой человечишко, трезвым его можно увидеть, если уж очень повезет... Я его наказываю? Нет. Никогда. Я его поощряю. «Все пьешь, Петрович?» – спрашиваю. Это чтобы он не думал, будто обманул меня и я не заметил, что он пьян с утра. И опять же чтоб ценил мое расположение. Я не гоню его с работы, не объявляю выговор, чертовой зарплаты не лишаю.

– Что же ты так о зарплате-то? – усмехнулась Таня.

– Я же о тринадцатой! – расхохотался Анатолий. – Так вот, владеет Петрович второй специальностью. Если нужен столик в ресторане на два места, на три, на десять, а податься некуда – иди к Петровичу. Все устроит. Даже такой, как сегодня... Хороший был столик, да, Таня? И в уголке, и под отдельным фонариком, и официант не совсем уж отвратный... Сын у Петровича при этом деле. И пожалуйста – ценят его, любят, начальство балует.

– Повезло тебе в жизни, Толя! – сказала Таня. – Завидую!

– А есть у меня сосед, алкаш, лечился не то пять, не то десять раз... – Анатолий не пожелал услышать издевки. – Я искренне уважаю его, не поленюсь на дороге подобрать, на личной машине к порогу доставить. Верно, Костя?

– Было дело.

– У этого моего соседа прекрасная смежная специальность – на любой поезд он достанет билет ровно за пять минут. Когда все трестовское, комбинатовское начальство мечется, высунав языки, звонят, клянчат, что-то там кому-то сулят, бегают за броней в самую нашу высокую инстанцию, – оторвав руки от руля, Анатолий ткнул указательным пальцем вверх, – а им говорят, что, мол, хотя билеты и есть, да не про вашу честь, – я поступаю просто – я звоню своему соседу Коле и говорю... Так, дескать, и так, нужны два билета в купейном вагоне, нижние полки, сегодня, на девятнадцать ноль-ноль. Что мне отвечает Коля? Думаете, обещает узнать, заверяет, что постарается?.. Нет, он говорит так... Анатолий Васильевич, в седьмой кассе на ваше имя лежат два билета, вагон купейный, места нижние, советую не опаздывать, поскольку

не исключено, что еще у кого-то окажутся билеты на эти же места, приходите пораньше, Анатолий Васильевич.

– Повезло тебе с соседом, – повторила Таня, не отрывая взгляда от дороги.

– Ничуть! – Анатолий покачал головой. – У всех у нас есть хорошие соседи. Надо только помнить, не лениться поздравлять с праздниками, надо знать, когда у них день рождения, как зовут ребеночка... Чтобы и они не забывали свою смежную специальность, совершенствовали ее, осваивали бы новые специальности... Вот так, ребята, вот так.

Показались огни города. Они выглядели необычно маленькими и редкими. Но с каждым километром наливались силой, становились ярче, многочисленнее.

– Я вот все думаю, – заговорила Таня, – за какую смежную специальность ты меня балуешь?

– За основную, Таня! – воскликнул Анатолий, будто ждал этого вопроса. – Тебе смежная вовсе и ни к чему!

– Моя основная специальность – чертежница.

– Ошибаешься. Ты – красивая женщина, Таня. Это главное. Это много, Таня. Это так много, что дай тебе бог управиться только с этим богатством.

– Боюсь, это что-то смежное.

– Боишься? Смежное или основное – все равно бояться не надо. Оно у тебя есть, и хорошо. Не надо прятать свое богатство от друзей. – Анатолий положил руку Тани на плечо. – Ты меня поняла? Вот и хорошо. Надо щедро, не скупясь, дарить друзьям радость, счастье, утеху... Это куда важнее и ресторанных столиков, и железнодорожных билетов. А друзья всегда найдут, чем порадовать тебя, можешь в этом не сомневаться. Вот за что мы не выпили с тобой в ресторане, так это за наши смежные специальности... Ну, ничего, наверстаем. А? Наверстаем?

– Как получится. – Таня повела плечом, стараясь сбросить тяжелую руку Анатолия.

– Не надо, Таня, стремиться уходить от своих друзей, от их объятий. Освобождаясь от друзей, обретаешь не свободу, а нечто совершенно другое.

– Что же я обретаю?

– Зависимость. Ты становишься зависимой от обстоятельств, жизненных невзгод, попадаешь в плен к другим людям, а они оказываются не столь хороши, как хотелось бы, не столь хороши... Ты вдруг обнаруживаешь однажды, что у них многовато требований, капризов, желаний, что у них маловато возможностей, да и нет большого желания бросить к твоим ногам даже то, что у них есть... Поверь мне, Таня, очень мало людей, способных пожертвовать хоть чем-нибудь ради ближнего. Да что там ближнего... Даже ради любимой девушки. Даже на девушках экономят, отделяясь губной помадой, шоколадкой и ножницами для ногтей.

– А чем отделяешься ты?

– Я ничем не отделяюсь. Я вообще не отделяюсь. Я говорю: бери меня, я весь твой. Разве ты этого не знаешь? Молчишь. Значит, знаешь. И не надо дразнить меня... Зачем? Тем более что я не отвечаю, хотя мог бы...

– Прости.

– Да ладно, чего уж там... Как идем? Нет, не зря я два года за баранкой отсидел, не зря. Скажите, что неплохо вожу, не скупитесь!

– Ну что ж... четыре с плюсом, – начал было Костя и тут же вскрикнул: – Осторожно! Но было поздно.

* * *

Все произошло за несколько секунд – визг тормозов, толчок, отчаянный крик Тани, короткий мат Анатолия. Когда машина была метрах в сорока от перекрестка, из-за угла вышел

человек в светлом плаще. Слепленный ярким светом фар, он остановился посередине дороги, как раз на осевой линии, ожидая, пока приближающиеся фары пронесутся мимо. Но машина мчалась прямо на него, и Анатолий не мог ничего с ней поделать. Оглянувшись, Костя увидел, что человек лежит, свернувшись калачиком, а из-под его головы вытекает, набирает силу струя крови.

Выскочив на обочину под деревья, машина остановилась, но Анатолий дал задний ход, и ни Костя, ни Таня не успели опомниться, как были уже в сотне метров от перекрестка. Только теперь Анатолий показал, что он действительно умеет водить. Повороты, набор скорости, торможение – все это он проделывал, не задумываясь. Наконец, оказавшись едва ли не в противоположном конце города, он свернул в тихий переулочек и выключил мотор.

Где-то на вокзале орали маневровые тепловозы, пролетел самолет со стороны аэропорта, тот самый, на который Анатолий приглашал Таню, из-за домов слышался свист пара в котельной. На крышу машины падали редкие тяжелые капли, но это был уже не дождь – капли срывались с листвы. Все молчали, словно ждали, не покажется ли погоня, не появится ли в конце переулочка милицейская мигалка.

– Так, – протянул Анатолий, – влипли мы, ребята... Ох, крепко влипли... Не знаю даже, как дальше жить будем... А, Костя, что скажешь?

– Если бы только наезд...

– А что же, по-твоему, еще было?

– Дело в том, что...

– Да хватит тебе выть! – резко обернулся Анатолий к Тане. – Что еще было? – спросил он у Кости.

– Первое – сбили человека. Скорее всего насмерть. И потом... удрали. Первое можно как-то объяснить... Плохая погода, скользкая дорога, вина самого пешехода... Он вышел на дорогу в неположенном месте... А второе... Вроде бы того, что...

– Нас кто-нибудь видел?

– Вряд ли. Дождь, время позднее...

– Сзади шла машина, – сказала Таня.

– Да? – удивился Анатолий. – Не помню... Значит, они уже там. Нам бы его в сторону оттащить, на обочину... Нашли бы только утром, когда рассветет... А там ищи-свищи... Эх, оплошали! – Он ударил кулаком по коленке. – А теперь любая машина остановится – прямо посреди дороги остался! Ну что, Костя, милиция уже знает?

– Минут через десять-пятнадцать будет знать. У них это налажено. Водитель позвонит в «Скорую», врач обо всем доложит дежурному, тот сообщит начальству, выезжает группа... На все это уйдет самое большее полчаса.

– Таня! Заткнись уже наконец. Думать надо! Думать! Думать! Тебе-то ничего не грозит! Или ты нас уже оплакиваешь?!

Костя вдруг поймал себя на том, что чувствует грозящую ему опасность. А исходит она от Анатолия. Во всех его криках, вопросах, уточнениях ощущалась явная направленность – водитель Костя, и за все, что произошло, отвечать ему. Вжавшись в угол заднего сиденья, Костя смотрел в тяжелый затылок Анатолия и ждал. Что-то подсказывало ему, что сейчас начнется самое важное.

– Может быть, мне лучше уйти? – спросила Таня.

– Сиди, – сказал Анатолий. – Костя! Я тебя слушаю!

– Он остановился на осевой линии. То есть сделал лучшее в его положении. Мы осевую линию пересекли... Это уже само по себе нарушение.

– Дождь! – резко сказал Анатолий. – Никому не известно, пересекал я линию или не пересекал!

– Перед наездом вы начали тормозить. Значит, на асфальте остались полосы от колес. Дождь их не смывает. Во всяком случае, до утра они продержатся. Тем более что на участке останоят движение. По этим полосам нетрудно представить все, что произошло.

– И что же произошло?

– Машина превысила допустимую скорость, потеряла управление и сшибла человека. Хотя это можно объяснить плохой дорогой, ночными условиями, ограниченной видимостью и так далее.

– Я не превышал допустимую скорость. Там стоит ограничительный знак – девяносто километров. Так мы и шли.

– Мы шли под сто.

– А я говорю – девяносто. И никто не мешает мне сказать – семьдесят.

– Водитель должен идти с такой скоростью, которая позволяет ему управлять машиной, – проговорил Костя без выражения. – Если машина становится неуправляемой, значит, скорость превышена. Даже если вы давали двадцать километров в час.

Анатолий мощно повернулся всем корпусом к Косте, но, не увидев его в темноте, включил свет.

– А свет бы убрать, – сказал Костя. – Улица пустая, у некоторых бессонница, стоят у окон, на балконах, курят... И вдруг вспыхивает лампочка в машине, там сидят люди, о чем-то судачат, от кого-то прячутся...

Анатолий послушно выключил свет, но то, что он вынужден был подчиниться водителю, выполнять его указания, разозлило его еще больше.

– Если ты думаешь, что виноват здесь я один, то ошибаешься. Понял? Водитель – ты!

– Конечно, – согласился Костя. – Водитель – я. А вы – начальник управления. А Таня – наша общая знакомая. Я все правильно понимаю?

– Кроме одного. Таня – не наша общая знакомая. Она – моя знакомая. Усек?

– Как скажете, Анатолий Васильевич. С Таней мы разберемся.

– Нет, ты не будешь с Таней разбираться. С Таней все ясно. Мне, во всяком случае.

– Пусть так... И все-таки нам не нужно было удирать.

– Что же ты раньше молчал?

– Вы у меня не спрашивали...

– Знаешь, хватит юлить! Отвечать будем оба. Я не собираюсь уходить в сторону... Хотя и мог бы. У меня вон свидетель. – Анатолий кивнул на Таню. – Если понадобится, она подтвердит, что за рулем сидел ты. А, Таня? Ведь Костя сидел за рулем, верно? И надо же, не справился с управлением, хотя и не пил. Такой опытный, осторожный водитель! Как бывает, а!

– Я была пьяна, в машине спала и ничего не видела.

– Ты же не пила!

– Пила. И очень много. Прямо не знаю, что на меня нашло.

– Что ты несешь?!

– Пила, – повторила Таня. – Я пила, когда ты выходил в вестибюль звонить своей жене. Когда ты говорил ей, что не успеваешь вовремя приехать домой. Когда ты просил ее не сердиться, посылал ей по телефону поцелуи и желал спокойной ночи. Все это время я непрерывно пила.

– Ну, ребята, вы даете! – озадаченно воскликнул Анатолий. – Не ожидал я от вас такой прыти... Все понятно... Жить-то хочется... Грамотные стали, слышат, видят, выводы свои нехорошие делают, а ты, как дурак, все думаешь, что с простаками дело имеешь... Молодец, Танюха! Одобряю. Так и надо. Растешь прямо на глазах. Общение со мной не проходит для тебя без пользы. Если так и дальше пойдет...

– Кончай трепаться, Толя!

– Даже так... Ладно, замнем. Я же сказал, что не собираюсь уходить в сторону. Ты у нас на особом положении, мы должны тебя беречь. А, Костя? Мы оградим ее от всех неприятностей для будущих наших счастливых дней. Ей вообще необязательно присутствовать в этой истории. Согласен?

– Пусть так.

– Это уже кое-что... Сделаем вот что... Ты, Костя, садись за руль и вези Таню домой. А я доберусь своим ходом. – Анатолий распахнул дверцу, вышел, зябко оглянулся по сторонам, решая, в какую сторону удобнее направиться. Костя и Таня остались в машине. – Ну, что вы там? – наклонился Анатолий.

– Везти Таню домой далековато, – проговорил из темноты Костя. – Мелькать на всех перекрестках с разбитой фарой...

– А с чего ты взял, что она разбита? – Анатолий прошел вперед, осмотрел одну фару, наклонился ко второй, присел перед ней на корточки, вернулся в машину, с силой захлопнул дверцу. – Оказывается, удар был того... Серьезный удар... Если такое с фарой, то можно себе представить, что с тем типом...

– Ему конец, – сказал Костя.

– Да, скорее всего, – согласился Анатолий. – Тогда сделаем иначе. Таня идет домой пешком, я тоже добираться на своих двоих, а ты отгоняешь машину в гараж.

– Там меня уже ждут.

– Ты что, совсем от страха ошалел? Прошло пятнадцать минут! Что же, они уже успели...

– Прошел час. Пятнадцать минут мы только сюда добирались. В городе черных «Волг» не так уж много. И потом... Впутывать вахтера, механиков...

– Хорошо. Отгони машину к себе домой. Думать будем утром. Таня, пошли.

Таня не пошевелилась. Она ждала, что скажет Костя. Решения Анатолия оказывались слишком поспешными, слишком простыми.

– Не могу я сейчас вести машину. Я еще кого-нибудь задавлю.

– Не думал я, что ты окажешься таким слабаком! – воскликнул Анатолий, но его слова никого не задели.

– Дело не в слабости. Получается, что мы все перепугались и просто разбегаемся. Так не годится.

– Что ты предлагаешь?

– Разберемся сначала с Таней.

– Я пойду, Костя? – спросила Таня, обернувшись.

– Доберешься?

Не отвечая, Таня вышла из машины, осторожно, стараясь не шуметь, закрыла дверцу, подняла капюшон и, не оборачиваясь, почти бегом направилась к мерцающему в темноте проспекту. Она легко проскользнула под фонарем, перепрыгнула через лужу, но неудачно, и пошла, уже не выбирая дороги.

– Хитра баба, а? – сказал Анатолий. – Была пьяна, ничего не видела, злодеи напоили... И взятки гладки. Ничего, вспомнит, касатка, все вспомнит. Никуда не денется.

– Что вспомнит?

– Да это я так... К вопросу о девичьей памяти. Что будем делать?

– Поехали ко мне.

– Ну что ж, ты меня достаточно повозил, теперь я тебя покатаю. Странные дела происходят... То ты уговаривал меня не садиться за руль, теперь сам не хочешь вести... Что-то за этим стоит, а?

– Наверно, – ответил Костя, стараясь, чтобы его голос прозвучал как можно безразличнее.

Анатолий пристально посмотрел на него, но ничего не сказал. Молча сел за руль, развернул машину и, стараясь не выезжать на освещенные улицы, проехал в старую часть города. Начавшийся было дождь опять прекратился, и он выключил «дворники» – в них не было нужды. Загнав машину в длинный просторный сарай и выключив мотор, он повернулся к Косте.

– Ну что, отпустило?

– Не знаю... Какое-то оцепенение. – Перед глазами Кости все еще стояла недавняя картина, увиденная из машины: мокрый асфальт, свернувшийся человек в светлом плаще и в стороне туфля, наполняющаяся дождевой водой. Опершись о дверь сарая, он прижался затылком к холодной скобе и поднял лицо.

– Похоже, что и мне не лучше. – Анатолий встал под навес, услышав, как дождь опять зашелестел в листве, застучал по железной крыше сарая. – Машина остается?

– Пусть...

– Здесь ее не скоро найдут.

– Нас найдут. А мы уж приведем их сюда, покажем и где машина, и что с ней.

– А не отправить ли тебя куда-нибудь в командировку?

– Не получится.

– Почему? Документы оформим вчерашним числом, а? Там тебя и починят, и покрасят...

– Меня из города не выпустят.

– А может, попытаешься?

– Все уже перекрыто, Анатолий Васильевич. Нас ждут на всех постах области.

– Да... Ну ладно. Я пойду? – спросил Анатолий. – К девяти буду в управлении. Там и встретимся.

– Если ничего раньше не произойдет, – пробормотал Костя.

Анатолий неловко поднял куцый воротничок плаща и, сунув руки в карманы, вышел со двора. А Костя попытался представить себе, что сейчас делается в городе. Пострадавший доставлен в больницу. Вряд ли он остался жив, учитывая скорость и те повреждения, которые остались на машине. Скорость была под сто... Это тронуться надо, чтобы в такую погоду по такой дороге давать сто километров. Ошалел Анатолий, ошалел. Что-то у него там с Татьяной произошло... Ну ладно, разберутся. Позади шла машина, на перекрестке она была минут через пять. Того бедолагу подобрали, отправили в больницу. Дежурный врач звонит в милицию. Значит, оперативная группа уже там, на месте. Замерили след, сфотографировали отпечатки шин... Марка машины установлена, цвет тоже. Наверняка на плаще, на брюках остались следы краски... Откуда может ехать черная «Волга» в это время по этой трассе? Конечно, аэропорт. Как бы там ни было, а именно аэропорт они заподозрят в первую очередь. И будут правы. Опросят грузчиков, официантов, буфетчицу... И сразу выйдут на нас, мимо нас они просто не смогут пройти. Такси, частные машины отпадают. Остается десяток машин, и среди них эта вот, персональная. Да, боюсь, и Анатолия с его Татьяной они знают, не первый раз... А пара заметная, тем более не пассажиры, это тоже сразу видно. Все ясно – к началу рабочего дня в управлении надо ждать гостей...

* * *

Костя успел заварить чай, поджарил колбасу и уже собирался сесть за стол, как услышал частый стук в окно. Обернувшись, он увидел смазанное лицо Анатолия. И не удивился, словно ждал, что тот вернется. Не мог этот вечер закончиться вот так легко и просто – слишком много неясностей осталось, слишком много вопросов повисло в воздухе.

– Заходите! – Костя приглашающе махнул рукой, показал на чайник.

– Нет. – Анатолий покачал головой и тоже махнул рукой. Выходи, дескать, сам, здесь удобнее.

– Тоже верно, – согласился Костя. Он выключил газ, с сожалением посмотрел на свой ужин, набросил куртку и, погасив свет, вышел.

Вода стекала с навеса прямо на голову Анатолия, на плечи, похоже, лилась за воротник, а он то ли не замечал холодных струй, то ли нарочно встал под этот душ. Уже не было в нем обычной напористости и превосходства. На пороге топтался обычный парень тридцати с лишним лет с поднятым воротником и неуверенной улыбкой.

– Не помешал? – спросил он, и Косте стало неловко, будто Анатолий сам уступал свое первенство, но уступал как-то униженно, прося снисхождения.

– Как не помешали, Анатолий Васильевич! – проговорил Костя, не торопясь принимать новые условия. – Даже поесть не успел. Вам легче, говорят, неплохое мясо подают в аэропортовском ресторане?

– Это только говорят, – поморщился Анатолий, услышав про аэропорт, ресторан, ужин, закончившийся так неудачно.

Они прошли к маленькой круглой беседке, стоявшей посередине двора, сели на скамейки у противоположных сторон. Костя поднял руку над головой, нащупал выключатель. Вверху вспыхнула маленькая желтоватая лампочка. Со стороны можно было подумать, что в беседке разговаривают двое припозднившихся приятелей, которых дождь загнал в это неудобное место.

– Ну что... Не обойдется? – спросил Анатолий, помолчав.

– Вряд ли... Скорость была слишком большая.

– Откуда он взялся, ума не приложу!

– Из-за угла вышел. А когда на середине дороги оказался, его ослепило. У него, похоже, с глазами неважно, он же в очках был...

– Когда ты успел все заметить?

– Да, в очках, в берете, светлом плаще, с портфелем под мышкой. Что-то ценное было там для него... Бумаги, записи, книжки...

– Деньги, – подсказал Анатолий.

– Нет, он не из денежных. Стоптаные туфли, бахрома на штанах...

– И это увидел?!

– Мы рядом проехали. Он сделал самое разумное – остался стоять на осевой. Будь скорость поменьше, можно было легко проскочить... Дорога свободная, встречных машин нет...

– Да я бы и на этой скорости проскочил! – подхватил Анатолий. – Асфальт мокрый, а в этом месте он, кажется, еще и новый, жирный... Ах, как нехорошо, как паршиво все сложилось! Что бы нам придумать, а, Костя?

– Нас видели в аэропорту...

– Откуда им знать, что наши следы нужно искать именно там?

– Трасса. Человек сбит машиной, которая шла со стороны аэропорта. Как раз после восемнадцатого рейса. Ко мне грузчик подходил, прикуривал, мы с ним немного поболтали...

– О чем?

– Да ни о чем! Взял сигаретку, спросил, кого жду...

– А ты?

– Сказал – начальника жду. – В этом месте Костя понял вдруг, что он не может быть до конца откровенным, он вспомнил, что вроде сказал об Анатолии больше. Да, он, кажется, назвал его начальником стройуправления...

– Он больше ничего не спрашивал?

– Про духи спросил... Хорошими, дескать, духами в машине пахнет.

– Ну?!

– Я сказал, что пассажирку подвез, – соврал Костя. – Господи, Анатолий Васильевич! Да вы в ресторане были едва ли не единственным... Официанты наверняка запомнили вас еще по прошлым приездам.

– Слушай, Костя, да у тебя не голова, а машина! Тебе в милицию надо идти работать.

– Шофер потому что... Что сказать, Анатолий Васильевич... Они уже знают, что это была черная «Волга».

– Неужели допрут?

– Тут много ума не надо.

– Слушай, Костя. – Анатолий присел рядом, понизил голос. – Виноват, конечно, я, тут ничего не попишешь... Похоже, придется распрощаться и с работой, и со свободой, и с... В общем, со многим. Для меня эта история – конец... Давай поговорим серьезно. Ты и я. И между нами никого. Ни парня в плаще, ни девушки в куртке... Возьми эту историю на себя!

– Не понял! – отшатнулся Костя.

– Не надо, – поморщился Анатолий. – Ты прекрасно все понимаешь. До тебя доходит раньше, чем до меня. Возьми, Костя! Вроде за рулем сидел ты, а мы с Таней утверждаем, что человек тот неожиданно выскочил из кустов, чтобы перебежать через дорогу, что остановить машину не было возможности. Самое большее, что тебе грозит, – лишат прав. Но это я улажу. Переведу слесарем, механиком, кем хочешь. В деньгах ты не потеряешь, скажу больше – выиграешь, даже если... В общем, настолько выиграешь, что можешь год-два не работать.

– Мне нельзя не работать, в тунеядцы запишут. Да и пенсию надо зарабатывать.

Костя молча ходил по беседке, останавливался, глядя на струи воды, падающие с крыши рядом с его лицом, присаживался.

– Ну что, Костя? – обернулся Анатолий.

– Знаете... Не могу.

– Почему?

– Не знаю. – Костя беспомощно улыбнулся. – Жить хочется.

– Послушай, ты чего-то не понимаешь... Повторяю: ты ничем не рискуешь. Даже если лишат прав, ты только выиграешь – я слов на ветер не бросаю. Ты это знаешь. Знаешь?

– Да.

– Права вернут через месяц-другой... Любая машина – твоя, ремонт в первую очередь. О запчастях и думать забудешь... Захочешь повыситься – никаких проблем. В пределах моих возможностей, конечно. Ну? Согласен?

Костя молчал.

– Ведь не умышленно же я его сбил!

– Анатолий Васильевич, вы не подумайте только, что я торгуюсь... Все это не кончится через день, когда меня лишат прав, не кончится через три месяца, когда мне их вернут... И через год, когда я буду первым человеком в вашем гараже, все это будет продолжаться. Сегодняшняя ночь еще долго протянется... Во всяком случае, для меня. И все это время быть убийцей... Наверное, я смог бы соврать, взять на себя вину, выручить друзей или, простите, любимого начальника... Но я не смогу жить убийцей. А вы мне предлагаете именно это... Не смогу, Анатолий Васильевич. Вы понадеетесь на меня, а я подведу.

– А если откровенно?

– Если откровенно, то и не хочу. Вы говорите о запчастях, правах, о том, что в деньгах я здорово выиграю... Но ведь все это летит к чертовой матери от одного вопроса следователя.

– Какого вопроса? – быстро спросил Анатолий.

– Не знаю. – Костя пожал плечами. – И никто не знает. Ведь не можете вы сейчас предугадать все вопросы, выводы экспертов, решения суда... Но неожиданности будут.

– Конечно, я мог бы во всем признаться... – проговорил Анатолий раздумчиво, – но дело в том, что я пьян. Вообще-то я никогда не был трезвее, чем сейчас, но выпивку они усекут. Им достаточно запаха. Во в какой дыре оказался – от запаха все зависит!

– Анатолий Васильевич, я бы вам посоветовал...

– Советуй кому-нибудь другому, Костя, ладно?

– Понимаете, я в любом случае оказываюсь виновным. Моей машиной сбит человек. Я доверил руль пьяному. У меня нет даже путевки на эту поездку. Я совершил преступление, просто выехав из гаража. А если при этом еще и человека сбил...

– Да? – переспросил Анатолий с таким выражением, будто услышал нечто новое. – Что же делать?

– Надо идти в милицию.

– Кому?

– Вам.

– Ты что, за дурака меня принимаешь?

– Иначе мне самому придется пойти туда. Пусть не сейчас, но утром я обязан это сделать. Иначе получается, что я прячусь, скрываюсь. А это еще одна статья, еще одно нарушение...

Мы с каждым часом вязнем, Анатолий Васильевич! Мы в трясине и медленно погружаемся все глубже.

– Давай выбираться!

– Не возражаю... Но ведь карабкаться на плечи друг другу... это не выход.

Некоторое время они молчали.

Шумел дождь, стучали капли по пластиковой крыше беседки, прошла поздняя электричка, где-то за домами долго и истерично лаяла собака. И Анатолий, и Костя за это время не произнесли ни слова, но что-то происходило в них, зрели какие-то доводы, обоим охватывало чувство беды и неотвратимости наказания.

– Видишь ли, Костя... – заговорил Анатолий. – Мы можем, конечно, посудачить о том, а что такое хорошо, что такое плохо... Мы все частенько этим занимаемся и очень нравимся себе в такие моменты... Но время от времени происходят события, когда важно поступить так или этак. А все разговоры оказываются в конце концов просто колебанием воздуха. Я недавно распинался насчет смежных специальностей... Все это пьяный треп. Но за этим кое-что стоит, Костя... Мы можем дружить, можем ссориться, завидовать, ненавидеть друг друга, но наступает однажды минута, когда наши обычные отношения теряют всякую цену. Остаешься ты и твой поступок. И весь ты в этом своем поступке, и вся твоя жизнь, и кем был, и кем будешь. И с кем будешь.

– И даже кем буду? – усмехнулся Костя.

– Конечно. Собственно, будущее и состоит из наших сегодняшних решений... Кем мы войдем в будущее, с кем мы туда войдем, от кого откажемся, через кого переступим... Это происходит каждый день. Со всеми, Костя, со всеми... Сегодня я попал под колеса. Завтра попадет кто-то другой. И на каждый день требуется мужество. И каждый день приходится чем-то жертвовать. Мы не приобретаем, нет, мы каждый день от чего-то отказываемся. Расстаться с женщиной, отказать отцу, помочь другу... Ничто не дается легко. Да, я оказался в преступниках... Я спасаюсь. Чего проще – пойти и сказать: виноват, судите. Суд разрушит мою жизнь, но ничего не добавит к наказанию... Меня посадят только для того, чтобы другим неповадно было. В назидание. Я уже наказан, и никакой приговор не ударит меня сильнее, чем эта вот ночь.

– Значит, если я возьму на себя наезд – хорошим буду, не возьму – плохим, да?

– Нет, Костя... Ты в любом случае останешься хорошим. Так что спи спокойно. Да, путевку я тебе оформлю завтра утром, поездка будет вполне законна. Причину придумаем, это

несложно. Тебе даже пальцем никто не погрозит. Ты чист. Ты чист и непорочен, Костя. Иди, я оторвал тебя от ужина. Приятного аппетита.

Анатолий вышел из беседки и, не разбирая дороги, зашагал по проезжей части в сторону слабого сияния, висевшего над домами.

Через пятнадцать минут его догнал таксист.

* * *

Улицы были пустынными, редкие фонари почти не освещали дороги, из-под колес летели брызги, шины влажно шуршали по лужам. Запахнувшись в промокший плащ, Анатолий неотрывно смотрел на дорогу. Иногда он невнятно бормотал что-то, и водитель косился на него не то опасно, не то усмешливо.

– Я смотрю, досталось тебе сегодня, парень, – обронил он.

– Досталось, – кивнул Анатолий. – Сильней не бывает.

– Женщина?

– Наверно, все-таки женщина... Хотя и мужики руки приложили. А с чего ты взял?

– Ну как... Ночь, дождь, такси, сам вроде трезвый... Да и едем на Садовую... Похоже, к женскому общежитию... А?

– Да, у входа остановишься. Подождешь?

– Подожду... Возить в третьем часу все равно некого, а счетчик будет работать.

– Я быстро, – сказал Анатолий, выходя.

Быстро не получилось. Пришлось долго стучать в запертые двери подъезда, подходить к окнам, возвращаться. Наконец в полумраке вестибюля показался вахтер. Он с подозрением всматривался в темноту, колебался, вредничал, не торопясь открывать двери, прикидывался, что не понимает, чего от него хотят.

– Открой, батя! Важное дело.

– Какое дело?

– Преступление! – гаркнул Анатолий, потеряв терпение, надеясь хоть этим словом расшевелить подозрительного старика. – Убийство! – Громыкнули запоры, и дверь открылась. – В двести шестнадцатой живет Татьяна Николаева. Позовите ее, пожалуйста. Она знает, что я должен прийти.

– Это которая недавно пришла?

– Она самая. Еще не спит, наверно.

– Что же мне, вот так всю ночь и шастать по этажам? – начал было ворчать вахтер, но Анатолий перебил его:

– Хорошо, я сам схожу.

– Сиди! – строго приказал старик. – А то еще за тобой придется идти... Попробуй потом вытащи тебя из комнаты... Знаем, насмотрены, наслышаны... Вас только пусти, вам только дай волю...

Анатолий сел в продавленное кресло. Однако ждать не пришлось. Через несколько минут спустилась Татьяна. Увидев Анатолия, она подошла, присела рядом в такое же кресло.

– А знаешь, тебе в халатике куда лучше, чем в этих ресторанных нарядах, – сказал Анатолий.

– Спасибо. Что-нибудь случилось?

– Так... Кое-что... Человека сшиб.

– Да? – переспросила Таня. – И что же?

– Да вот не знаю, как дальше быть... Подумал, может, ты подскажешь.

– Боюсь, что я в этих делах не сильна.

– А в каких сильна?

- Во всех остальных.
 - Слушай внимательно. Ты должна мне помочь.
 - Должна? Почему?
 - По многим причинам. Потому что мы с тобой знакомы, потому что люди обязаны помогать друг другу, потому что нужно оставаться человеком, даже когда ближнему паршиво.
 - А, тогда конечно. Так бы сразу и сказал.
 - Есть только один способ нам всем выйти сухими из этой мокрой ночи. Нужно, чтобы за рулем сидел Костя.
 - Но именно на этом он и настаивал в аэропорту.
 - Это было давно. С тех пор многое изменилось. И мы все – ты, я, Костя – живем в другом мире, с другими законами, с другими обязанностями... Но и эти условия просуществуют недолго, к утру они исчезнут. И мы свалимся в...
 - Я все понимаю, Толя. Чего ты хочешь?
 - Чтобы за рулем сидел Костя.
 - Усвоила. Дальше.
 - А мы с тобой должны оказаться на заднем сиденье.
 - Сядем на заднее, если ты не будешь хватать меня за коленки.
 - Не сядем, Таня! Мы с тобой сидели на заднем! А хватал я тебя за коленки или не хватал – это уж ты решай сама. Как тебе будет удобнее.
 - Мне удобнее, чтоб хватал. Только не здесь. Вахтер очень переживает.
 - Договорились.
 - Мне можно идти?
 - Я пришел говорить с тобой не о коленках, хотя готов говорить о них когда угодно и сколько угодно. Но не в эту ночь. Костя сидел за рулем. Мы с тобой – сзади. И подтверждаем всем и везде, что было именно так.
 - И чего добиваемся?
 - Я остаюсь на своем месте.
 - Начальником управления?
 - Да. И ты остаешься на своем месте.
 - Чертежницей?
 - Ты остаешься моим самым лучшим, самым близким и самым любимым другом.
 - Явное повышение? – улыбнулась Татьяна.
 - Называй это как хочешь. Костя тоже остается на своем месте. Через три месяца, ровно через три месяца мы покончим с этой историей. Но мы в один голос должны подтвердить, что тот человек сам, понимаешь, сам неожиданно выскочил из кустов и попал под машину. Что в общем-то соответствует действительности. И все. Конец. Мы с тобой едем к морю. Хочешь – на месяц, хочешь – на два.
 - И Костя едет с нами?
 - При чем тут Костя?
 - Ну как же... Ему тоже есть что забыть, есть что смывать морскими волнами.
 - Что же ты ему предлагаешь смывать?
 - Кровь.
- Анатолий встал, прошелся по вестибюлю, постоял у входной двери, глядя на поджидавшее его такси, вернулся к Тане. Вахтер настороженно следил за каждым его движением. Анатолий сел на край кресла, взял руки Тани в свои ладони.
- Таня, постарайся меня понять... Мне нельзя признаваться. Они сразу поймут, что я выпил, это подтвердят официанты. И тогда я становлюсь преступником.
 - Ты говорил с Костей?
 - Да. Я только что от него.

- Что он тебе ответил?
- А! Не могу, говорит. Совесть у него завелась или еще что-то.
- Чего ты хочешь от меня?
- Чтобы ты согласилась помочь мне. Чтобы ты подтвердила...
- Что человека сшиб Костя?
- Да, – замявшись, ответил Анатолий.
- Но это же подло, Толя!
- Костя трусит. Боится, сам не зная чего.
- Если я правильно поняла, ты предлагаешь ему взять на себя преступление, а он не хочет? Ты предлагаешь ему сесть на скамью подсудимых, а он сопротивляется?
- Можно сказать и так, – поморщился Анатолий. – Хотя мне и не нравится, как ты все это изложила.
- Моя помощь должна свестись к тому, чтобы я оговорила Костю?
- Он не понимает, в чем наше спасение! Он не понимает того, что, если я сяду, ему никто уже не поможет. И тебе никто не поможет. Мы все становимся одинокими и беспомощными.
- Но почему ты...
- Когда тебе, Таня, было паршиво, я не спрашивал у тебя, почему, как, зачем... Когда ты не смогла поступить в институт, я не укорял тебя за плохое понимание математики, не выяснял, почему ты слаба в физике и как объяснить отсутствие у тебя знаний по химии. Я пошел и сделал. И тебя зачислили. И ты уже на третьем курсе. И у тебя все в порядке. Когда ты не могла найти себе жилье, я только спросил: тебя устроит улица Садовая, отдельная комната со всеми удобствами? Она тебя устроила. Если бы ты пришла ко мне после такой же кровавой истории, я не задавал бы лишних вопросов. Я вообще не задаю лишних вопросов. Может быть, это плохо, может быть, это не вписывается в твою нравственность, но, если человек просит помощи и у меня есть возможность помочь, я помогаю.
- Толя, скажи... Мы дружим или только и делаем, что расплачиваемся за услуги?
- Вот как ты понимаешь...
- А ты понимаешь иначе?
- Да, – кивнул Анатолий. – Иначе. Мне удалось кое-что сделать для тебя, когда еще не за что было расплачиваться. Я считаю, что и сейчас мне не за что с тобой расплачиваться. Или все-таки я задолжал?
- Извини. Ты слишком далеко продлил мой вопрос. Я не это имела в виду.
- Всего доброго, Таня. Рад был тебя повидать. Спокойной ночи. – Анатолий поднялся.
- Сядь. Вот так... Что я должна сделать?
- Если тебе трудно сказать, что за рулем сидел Костя, ты можешь уговорить его. Пусть это же скажет он сам.
- Думаешь, у меня получится?
- Получится. Он сохнет по тебе, Таня.
- Но тем охотнее он посадит тебя.
- Ты слишком плохо о нем думаешь. Нельзя так думать о человеке, – усмехнулся Анатолий. – Я ведь не думаю о тебе плохо.
- У тебя есть основания?
- При желании я мог бы их найти.
- Давай. Внимательно тебя слушаю.
- Может, не стоит?
- Отложим на потом?
- Мне бы не хотелось, чтобы это выглядело укором... Я не хочу, чтобы ты думала, будто я беру тебя за горло.
- А я не смогу идти к Косте, зная, что за спиной остался ты со своими обидами.

– Это не обиды.

– Тем более. Давай, Толя, выкладывай.

– Вторую бутылку коньяка заказала ты. После первой тебе показалось, что я недостаточно пьян. Я понимаю, что за этим стояло... После первой бутылки я чем-то был опасен, нежелателен... А после двух я уже ничего... собой не представлял... Ты знала, что я обязательно сяду за руль. Это же не первый раз... Ты бы не возражала, если бы я наехал на столб, свалился в канаву, слегка столкнулся с другой машиной... Тебе хотелось видеть меня поверженным. Конечно, ты не ждала ничьей смерти, ты и мне не желала зла. Но это случилось.

– Я предложила вторую бутылку, зная, что за рулем Костя. Ты передергиваешь.

– Но ты не возражала, когда он пошел в ресторан за сигаретами? Зная, что я воспользуюсь его отсутствием.

– Значит, я виновата?

– Мы все понемногу виноваты. Когда Костя после каждого километра выставлял мне оценку за вождение, ты знала, что он подзуживает меня. А он знал, что я увеличу скорость. Ты пойдешь к нему?

– Думаешь, это будет честно? – Таня поежилась в кресле.

– Честно? А что это такое? Поступить так, чтобы всем понравилось? Чтобы все встали и захлопали в ладоши? Почему я должен считать, что мнение толпы выше моего собственного? Я поступаю так или иначе, я отвечаю за свои поступки...

– Но ты как раз и не хочешь отвечать!

– Почему же... Я отвечаю перед самим собой, и только мне одному известно, каково мне... Я отвечаю перед тобой и Костей, перед людьми, на которых так или иначе влияют мои решения, поступки, мои ошибки. Да, сегодня я виноват. Но разве всем нам, разве всему человечеству будет лучше, если я сяду в тюрьму на несколько лет?

– Но человека сбил ты, сбил потому, что был пьян, превысил скорость, нарушил правила движения.

– Он тоже их нарушил. Вышел на дорогу в неположенном месте.

– Мы все выскакиваем в неположенном месте, а потом обижаемся, когда нас наказывают.

– Таня, ты знаешь меня лучше любого судьи... Скажи, хотя бы раз я вел себя грубо, нагло, безнравственно? Может быть, я вел себя пренебрежительно? Унизил тебя чем-либо, подвел, обманул, воспользовался твоей слабостью, зависимостью? Может быть, я приставал к тебе с чем-то недостойным, оскорбительным для тебя?

– Нет.

– Я сволочь?

– Нет. Ты не сволочь.

– Я хороший человек?

– Да, наверно, так можно сказать.

– Может быть, ты знаешь людей, с которыми я вел себя хуже, чем с тобой?

– Мне об этом ничего не известно.

– Ты пойдешь к Косте?

– Да. Я уговорю его. Но тогда... Понимаешь, Толя, тогда я вряд ли смогу называть тебя хорошим человеком.

– Чтобы остаться в твоих глазах хорошим человеком, я должен сесть в тюрьму?

– Дело не в этом, Толя... Мы уже не можем вести себя так, словно ничего не произошло. Понимаешь? Сейчас у нас с тобой совсем другие отношения, чем три часа назад. И мы с тобой другие. И Костя уже не просто водитель, он один из нас. А ты не только начальник управления, ты тоже один из нас. И я... Толя, мы знакомимся заново.

– Возможно, ты права. Скорее всего права. Мы поговорим об этом как-нибудь свободным вечером... Если он у нас найдется. Но сейчас, именно в эти минуты, мне грозит опасность,

и я делаю все, чтобы ее устранить. Да, с тем парнем произошло несчастье. Но беда стряслась и со мною.

– Толя... Я очень благодарна тебе за все, что ты для меня сделал.

– Да брось! Все это пустяки!

– Я тоже так думала... Но это не пустяки. Вот тебя прижало, и ты тут же все мне припомнил, все перечислил, ничего не упустил... Повторяю – я искренне тебе благодарна. Но я бы не хотела, чтобы ты напоминал об этом каждый раз, когда во мне возникнет какая-либо необходимость.

– Неужели ты думаешь...

– Подожди! – перебила его Таня. – Выслушай, потом этот разговор будет некстати. Я помню все, что ты сделал для меня. Можешь в этом не сомневаться. И о чем бы я с тобой ни говорила, как бы я с тобой ни поступила, я все учитываю, за все благодарю. Но это становится для меня тягостным. Я не могу постоянно носить в душе эту незатухающую признательность, я все время боюсь оказаться неблагодарной – сказав то, сделав то, посмотрев туда...

– Понял! Дальше!

– Спокойно, Толя. Я помню, что у нас мало времени. И не буду говорить слишком долго. Жизнь идет, Толя... И каждое утро мы встречаемся немного другими, мы меняемся... В лучшую ли сторону, в худшую, но меняемся... А твое благодеяние остается неизменным. И я чувствую себя заякоренной.

– Ты долго еще будешь колотить меня по темечку?

– Я хочу, чтобы ты понял... Я ведь не свободна в своих поступках. И сейчас я не могу поступить, как мне хочется. Я обязана идти и спасать тебя.

– Нет, Таня. – Анатолий опять поднялся. – Я освобождаю тебя от этой повинности. Если она так уж тебя угнетает, забудь о ней. Делов-то! – Он принялся поспешно застегивать плащ.

– Сядь! – сказала Таня. – Сядь... – Она взяла его за полы плаща и, потянув на себя, усадила в кресло. – Я говорю тебе это не для того, чтобы обидеть. Я не отрекаюсь от тебя, не пытаюсь поставить на место... Я просто хочу, чтобы ты меня понял, только и всего... Это ведь не слишком много... Да, я сейчас пойду к Косте. Но я хочу, чтобы ты знал: сделаю я это вовсе не для того, чтобы расплатиться с тобой. Если я нарушаю закон, то это я его нарушаю. Если я отдаюсь, то это я так решила, а вовсе не потому, что кому-то удалось взять меня за горло. Не бери меня за горло, ладно?

– Иди одевайся, – улыбнулся Анатолий. – Я буду в машине.

– Нас ждет машина? Ты был уверен, что я соглашусь?

– Я был уверен, что ты откажешься. А машина ждет меня.

– Ну хорошо. Я сейчас. – Таня поднялась и направилась к лестнице.

* * *

Таня и Анатолий расположились на заднем сиденье машины и словно растворились в темноте. Только изредка вспыхивающая сигарета Анатолия выдавала их присутствие. Некоторое время водитель ехал молча, на небольшой скорости, словно ожидая, что пассажиры что-то скажут, но, не дождавшись, сам подал голос:

– Куда едем-то?

– К Косте? – Анатолий, видимо, решил еще раз уточнить согласие Тани.

– Нет, – ответила она. – Сначала в больницу. В травматологию.

– Зачем? – отчужденно прозвучал вопрос Анатолия.

– Чтобы не наделать глупостей. Чтобы знать, что говорить, о чем говорить не надо, что принимать в расчет, а чем можно пренебречь. Чтобы все знать наверняка и поступать наверняка. Чтобы не предполагать и не строить догадки на пустом месте.

– Боже, боже! – простонал Анатолий. – А я-то, я, дурак старый, все думаю, что имею дело с простаками, учу жить, кривляюсь, как идиот... А случилось что-то серьезное, и оказывается, что я и есть самый тупой, самый перепуганный...

– Тебе везло в жизни, – сказала Таня. – Тебе везло. А ты считал, что все достигнутое – результат твоих усилий, твоего таланта, настойчивости... Это не так, Толя. В институте работают друзья твоего отца, они и мне помогли поступить... Конечно, это твоя заслуга, но ведь ты обратился к ним... И в трест, куда тебя направили после института, ты пришел не чужим человеком... Ты еще не сталкивался с настоящими трудностями... А вот когда ты один, когда друзья, если они есть, могут только посочувствовать, но уж никак не помочь, когда ты можешь надеяться только на себя, а заложить можешь только свою голову...

– Хватит, Таня, – жестко сказал Анатолий. – Я тоже кое-что умею и кое-что делаю.

– Ты меня не понял. Ты прекрасный работник, отлично справляешься со своими обязанностями, у тебя есть и знания, и способности. Ты далеко пойдешь...

– Если не сяду!

– Да, если не сядешь. Скажи, многие твои однокашники занимают должности, сопоставимые с твоей?

– А знаешь... Пожалуй, никто.

– В группе ты был самый способный?

– Ну, так, наверно, сказать нельзя, но и не самый бездарный.

– Толя, пойми меня, я ни в чем не хочу тебя укорять. Ты поступил совершенно правильно, воспользовавшись теми шансами, которые дала тебе жизнь. Глупо было бы пренебрегать ими, становиться в позу... Но в то же время надо трезво смотреть на вещи, на самого себя, на свое положение. Вот и все.

– Ладно, учту. – Анатолий отвернулся к окну.

– Только не обижайся. Ты сам начал этот разговор, сам начал казнить себя за самоуверенность... Я лишь позволила себе согласиться с тобой, поддержать тебя в этих твоих словах, – улыбнулась Таня обезоруживающе, и Анатолий не мог сдержаться, чтобы не обнять ее в темноте.

– Ох ты и лукава, ох лукава!..

– Приехали, – сказал водитель, останавливая машину. – Травматология.

– Я пойду узнаю, – сказал Анатолий, открывая дверцу.

– Сиди! – приказала Таня. – Тебе нельзя. И ты не сможешь.

– Это почему же?

– Потому.

– Неужели я так раскис?

– Маленько есть.

Таня вышла из машины, с силой захлопнула дверцу, и этот звук прогремел вызывающе громко на всю безлюдную площадь перед больницей. Этим Таня словно хотела придать себе смелости. Она быстро пересекла освещенную часть площади и скрылась в подъезде. Подъезжали машины «Скорой помощи», люди в белых халатах выводили, выносили пострадавших и скрывались в непривычно широких дверях. Иногда к машине подкатывали нечто вроде стола на маленьких колесиках, перегружали человека на эту коляску и увозили в здание. Анатолий убедился, что печальное происшествие, случившееся с ним, не единственное в эту ночь, жизнь продолжается.

– Что, знакомый сюда попал? – спросил таксист. – Родственник?

– Да, – неохотно ответил Анатолий. – Что-то в этом роде...

– Авария?

– Похоже на то.

– Серьезная?

- Серьезнее не бывает.
- Музыка не мешает?
- Включай.
- Идет ваша дама. Что-то не торопится... Видно, неважные дела...

Таня медленно, какой-то странной, осторожной походкой приблизилась к машине. Анатолий предупредительно открыл дверцу, и она села рядом.

- Ну что? – спросил он. – Узнала что-нибудь?
- Его привезли еще живым...
- Ты хочешь сказать, что он...
- Да. Он умер уже здесь.
- А если бы его доставили раньше?
- Я спросила об этом... Хирург пожал плечами... Конечно, сказал, это было бы лучше,

поскольку можно было бы попытаться что-то сделать... Но удалось ли бы... этого он не знает. Большая потеря крови.

- Значит, все-таки надо было пораньше, – пробормотал Анатолий.
- Конечно, – кивнула Таня, понимая, что Анатолию были бы более приятны другие ее слова, которыми она попыталась бы смягчить его вину, как-то ее уменьшить.
- Пораньше, пораньше, пораньше, – прошептал Анатолий. – Как его звали?
- И это узнала, – ответила Таня, но ничего больше не добавила. И лишь когда отъехали, пояснила: – Обычно звали... Инженером работал. Жена его уже там.

* * *

И снова мокрая дорога, редкие фонари, пустые, безлюдные улицы.

Водитель осторожно объезжал лужи, послушно останавливался у красных огней светофоров, хотя, кажется, на весь город его машина была единственной. Анатолий и Таня сидели молча. И даже когда такси остановилось, Таня вышла, не сказав ни слова. Окна в доме были темные, но, едва она постучала, тут же вспыхнул свет.

Костя не спал. Он вышел на порог, пропустил ночную гостью в дом, внимательно осмотрел двор и закрыл дверь.

- Не ждал? – спросила Таня.
- Ждал. Ты одна?
- Почему ты спрашиваешь? Разве не видно? За пазухой никого не прячу. Это бы испортило мне фигуру. Чем угостишь?
- Анатолий у тебя был?
- Да, и рассказал о вашем разговоре.
- Это он тебя прислал?
- Просил поговорить с тобой.
- О звездах?
- Нет, о нас всех. О сегодняшней ночи.
- И о том, кому идти в тюрьму, а кому оставаться на свободе?
- И об этом.
- Поговорим. – Костя отошел к плите, включил газ, поставил чайник. Заметив, что Таня стоит в мокрой куртке, помог ей раздеться. – Садись. Правда, я не представляю, что ты можешь сказать нового, после того как мы тут потолковали с Анатолием.

– Слушай, Костя, какой-то ты самодовольный... Тебе не кажется? От тебя прямо сияние исходит. Такое впечатление, что все вокруг вымазались в дерьме, стараются очиститься, а ты остаешься чистым и держишься на расстоянии. А все заискивают перед тобой, суется, что-то предлагают, а ты только брезгливо всех оглядываешь, выискивая, кто почище окажется...

- Ты почище, – улыбнулся Костя.
- Спасибо. Но ты ошибаешься. Боюсь, что почище всех выходит Анатолий.
- Ого! Это уже что-то новое.
- Ничего нового, Костя, ничего нового. Ты осуждал Анатолия за его блуд, меня за легкомыслие, нас обоих за испорченность... Тебе приятно было сознавать, что ты лучше. А сегодняшний наезд еще раз убедил тебя в том, что ты прав, что ты действительно имел дело с людьми подловатыми, если уж на то пошло. Анатолию светит суд, я соучастница, любовница, распутница – не знаю, как ты еще меня называешь...
- Перестань, Таня! Все это твои выдумки. Если хочешь знать, я никогда...
- Продолжай, Костя. Смелее. Ты спросил – хочу ли я знать? Отвечаю – хочу.
- Хорошо... Дело в том... В общем, похоже на то, что я тебя люблю.
- Надо же... Это так мило!
- Тебе смешно? Ты оскорблена, что столь незавидный человек осмелился заговорить...
- Заткнись! Ах, какой ты хороший, какой примерный! И даже не замечаешь своей рабочей гордыни! Костя, у тебя не гордость, а гордыня! У тебя не достоинство, а спесь! Носишься со своими разноцветными шариками и все боишься испачкаться. Но неужели, общаясь со столь низменными людьми, ты мог оставаться чистым? Нет, Костя, так не бывает. Мы все повязаны.
- Ну, ты даешь, – проговорил он растерянно, но Таня, кажется, не услышала его.
- Скажите пожалуйста, он меня любит! Ты хоть раз сказал мне об этом открыто и честно? Нет. Ты потребовал ответа? Нет. Ты таился со своими чувствами, или как ты их там называешь, и осуждал, осуждал, осуждал! Тебя уязвлял ресторан, в который я пошла с Анатолием, необходимость доставлять меня к общежитию, тебя уязвлял Анатолий, заставляя работать после работы, при том, что ты не отказывался. Тебе это было выгодно, Костя, и не надо морочить мне голову, пудрить мозги, вешать лапшу на уши. Не надо говорить, что в этой сверхурочной работе было только злоупотребление твоими трудовыми правами. Анатолий с тобой расплачивался. Тебе сказать, чем он с тобой расплачивался?
- Не надо!
- Хорошо. Не буду. Оставим в уме. Не будем вслух говорить о твоих левых рейсах, о том, на сколько каждый день отпускал тебя Анатолий в вольный промысел, как охотно и шустро ты доставлял меня к нему... Минута в минуту! Гостиничный номер, охотничий домик, квартира уехавшего зама... И все это – любовь?!
- Хочешь сказать, что я вел себя глупо?
- Ты вел себя как последний идиот. Ты рад, что Анатолий влип в эту историю, хотя это произошло не без твоей помощи. Во всяком случае, ты был не против.
- Таня, не заговаривайся!
- Зачем ты пошел в ресторан за сигаретами, там, в аэропорту? Зачем послушался его?
- Он попросил меня. Разве...
- Я спрашиваю о другом. Зачем ты пошел? Ведь у тебя в машине три пачки таких же сигарет! Да и я тебе напомнила о них, когда полезла в ящик. Но ты пошел в ресторан, зная наверняка, что, когда вернешься, Анатолий будет сидеть за рулем. Ты хотел, чтобы он сел за руль. Хотел, Костя. Поэтому не надо раздувать щеки и выпячивать грудь.
- Ага. Понятно. Значит, то, что я выполнил просьбу своего начальника...
- Костя, это несерьезно. Это дешево. Да, на суде ты можешь так сказать, для кого-то это покажется убедительным, но мы-то, мы здесь, сейчас можем говорить откровеннее?
- Хорошо. Если ты знала о сигаретах в ящике и знала, что Анатолий сядет за руль, что помешало тебе остановить меня? Что помешало остановить его? Я совершил маленькую подлость, скажем так. А ты?
- И я.

Обернувшись, Костя увидел, что из чайника уже давно била плотная струя пара и пора выключать газ. Таня заметила это раньше, но молчала, ожидая, пока запотеют окна – ей не хотелось, чтобы Анатолий видел ее в этой комнате. Костя залил кипяток в маленький чайник, поставил на стол чашки.

– Ты не хочешь взять на себя эту историю? Заметь – я тебя об этом не прошу. Просто спрашиваю.

– Нет, не хочу.

– Зная, что тебе ничего не грозит?

– Я не хочу жить, перемазанный чужой кровью. Для некоторых это не имеет никакого значения, для меня это важно. Наверно, сказывается недостаток воспитания.

Таня налила себе чаю, отхлебнула несколько раз.

– Костя, ты подтолкнул Анатолия за руль. Я тоже выгляжу не совсем... И уже потому мы с тобой не можем вести себя так, как нам хочется.

– Другими словами, я должен отказаться от всего ради спасения Анатолия?

– Почему же от всего, Костя?

– Отвечаю... Анатолий – начальник строительного управления. Высшее образование. Квартира. Ставка. Персональная машина. Дача. Путевки. И прочее. Он на коне. Ты через два года заканчиваешь институт. Диплом, высшее образование и... И тогда уже никто не помешает тебе сесть на своего коня. Анатолий поможет. Он мужик ничего, поможет, даже если к тому времени вас уже ничто не будет связывать. Я – водитель. Как ты думаешь, мне хочется подняться хотя бы на одну ступеньку? Я могу на это надеяться, к этому стремиться, об этом мечтать? Или мне всю жизнь возить вас в разные места? А когда я вам надоем своим осуждением, своей гордыней и спесью, вы смените водителя. А я буду возить других...

– К чему все это?

– А к тому, что, имея труп за спиной, мне никогда не подняться с низшей ступеньки. Никогда, Таня! А, скажут, это тот самый, который человека насмерть задавил... И опять вопрос со мной решен на несколько лет. Хорошо! Допустим, я сидел за рулем. Допустим, Анатолий остается в своем кабинете, в очередной вечерок уже не я, а кто-то другой повезет вас в аэропорт... Я в это время буду мыть железки в гараже, если, конечно, меня не посадят, если сочтут, что мне можно доверить это важное дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.